КП
130
586

Ю. М. БОЧАРОВ

ОТ „ЛЕНЫ"

КП
130
Б-86

ДО ПЕТЕРБУРГСКИХ БАРРИКАД

ИЛЛЕР.

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

14/IX

Колич. пред. выдач_____
Вологда, тип. „Сев. Печатник". Зак. 2599

КП130
Б-86

397

Ю. БОЧАРОВ

331
Б 86

ОТ ЛЕНЫ ДО ПЕТЕРБУРГСКИХ БАРРИКАД

ПО МАТЕРИАЛАМ
ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
1912—1914 гг.

ЦЕНТР. ГОСУД. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
БИБЛИОТЕКА

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 5

Введение. «Правда» и ее рабочие корреспонденты в 1912—1914 гг. 7

Русский рабочий накануне империалистической войны 23

I. Рабочий день 25

II. Заработная плата 32

III. Условия труда 39

IV. Жилище и быт 47

V. Женщины-работницы и подростки 58

VI. За профессиональной работой 66

VII. Страховая кампания 77

VIII. На путях рабочей кооперации 88

IX. В стачечных боях 95

X. Политическая борьба 107

XI. Рабочая печать 119

XII. На пороге войны и революции 136

Приложение: Указатель важнейшей литературы о «Правде» в 1912—1914 гг. 142

ГОСУД. РУСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 6614
11-V-1928

«Мосполиграф», 10-я тип. «Заря Коммунизма» Москва, Чистые пр., д. 8

Мосгублит № 5.448 1928 г. Зак. 211. Тир. 5000 экз.

ПАМЯТИ ТЕХ ИЗ РАБКОРОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ «ПРАВДЫ», СМЕЛЫХ И ГНЕВНЫХ ОБЛИЧИТЕЛЕЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО И ЦАРСКОГО ГНЕТА, ЧТО УШЛИ ИЗ ЖИЗНИ, НЕ ДОЖДАВШИСЬ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Инвентарь

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очень заманчиво подолгу рыться в комплектах старой «Правды», перечитывая все то, что писали ее рабкоры о рабочей доле. Очень заманчиво по крупицам подбирать материал, чтобы набросать широкую картину положения российского пролетариата накануне империалистической войны. Не менее заманчиво писать об этом толстую ученую книгу.

Для такой работы нужен был бы более длительный срок, чем тот, которым располагал автор. И не дошла бы такая книга до тех, на кого он рассчитывал — до рабочих читателей.

А он писал для них. Вот почему это не ученое исследование, а только небольшие, неполные наброски.

Может быть, еще раз — и это нелишне! — напомнят эти наброски о том, что труд рабкора не пропадает с сегодняшним днем. Достигнув своей непосредственной цели, его корреспонденция остается жить и дольше—для следующих поколений. И, вчитываясь в ее строки, они лучше начинают понимать, как жили, почему страдали, во имя чего боролись их предшественники.

Ю. Б.

ВВЕДЕНИЕ

«ПРАВДА» И ЕЕ РАБОЧИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ в 1912—1914 гг.

Мы располагаем достаточным материалом для того, чтобы очертить положение рабочего класса в царской России накануне империалистической войны. Акты фабричного законодательства, административные циркуляры и распоряжения, стенографические отчеты заседаний Государственной думы, полицейские протоколы, донесения агентов охранки, партийные прокламации, документы архивов предпринимательских и профессиональных организаций, воспоминания участников рабочего движения — изо всего этого можно извлечь массу нужных и интересных данных. Однако, и этот материал был бы неполон, если бы мы оставили в стороне рабочие газеты и журналы того времени. Наиболее ценное — это то, что рассказывали о своем положении сами же рабочие. Как раз в годы, непосредственно предшествовавшие началу империалистической войны, голос российского пролетариата громко раздавался со страниц легальной рабочей газеты, которую большевикам удалось создать в Петербурге в 1912 г., — со страниц «Правды». Этот голос в свое время звучал и для нас теперь звучит так убедительно потому, что «Правда» была подлинной рабочей газетой. Рабочие не только создавали ее на

средства, собранные между собою по грошам, но в своих многочисленных корреспонденциях изо дня в день питали газету своей мыслью, своей волей, своими надеждами.

Появлением на свет «Правда» была обязана инициативе рабочей массы Петербурга. Газета родилась из дискуссии, завязавшейся в конце 1911 г. в петербургских рабочих кругах. На страницах предшественницы «Правды», выходившей тогда в Петербурге газеты «Звезда» [1]), рабочий-булочник Борис Иванов поднял вопрос о создании в столице «Рабочего дома». Такой заманчивой казалась мысль о том, что в грандиозном здании возможно будет сосредоточить все профессиональные и культурно-просветительные рабочие организации, деятельность которых сильно тормозилась отсутствием помещений. Мысль о «Рабочем доме» — будущем сосредоточии всей деятельности пролетарских организаций Петербурга — горячо подхватили многие из рабочих. Стали появляться

---

[1]) «Звезда» — легально выходивший орган большевиков и меньшевиков-партийцев (плехановцев), созданный для борьбы с ликвидаторами. «Звезда» появилась 16 декабря 1910 г. Выпускалась один раз в неделю. До июня 1911 г. вышло 25 номеров. Затем на время газета была приостановлена. Выход ее возобновился через три месяца, но уже без участия меньшевиков. Выходя два, а с марта 1912 г. и три раза в неделю, «Звезда», переименованная 26 апреля в «Невскую звезду», существовала и после выхода «Правды» до 5 сентября 1912 г. Всего вышло 69 номеров «Звезды» 27 номеров «Невской звезды».

статьи на эту тему в органах профессиональной печати. В профессиональных союзах начались сборы в специальный фонд на постройку «Рабочего дома». Выработали уже проект устава товарищества на паях, которое осуществило бы эту идею.

Против нее в «Звезде» (№ 33) выступил Л. Германов (М. И. Фрумкин). В своей статье «Рабочий дом или рабочая газета?», присланной им из енисейской ссылки, Л. Германов писал о несвоевременности постройки «Рабочего дома». Автор доказывал, что вместо того необходимо взяться за создание ежедневной рабочей газеты.

«Репрессии над газетой не страшны, — говорилось в его статье. — Газета не дворец. Закроют на Выборгской стороне, перенесем редакцию на Васильевский остров...»

Автор предложения о постройке «Рабочего дома» Б. Иванов отвечал новой статьей, доказывая, что одновременно можно создавать и дом, и газету.

Посыпались в «Звезду» отклики рабочих на завязавшийся спор. Пришлось даже завести специальный дискуссионный отдел под заголовком — «Дом рабочих и рабочая газета».

В 1912 г. должны были происходить выборы в четвертую Государственную думу. Для большинства рабочих предстоящая избирательная кампания являлась побудительной причиной, чтобы высказаться за создание газеты. В своих письмах в «Звезду» рабочие настаивали на газете.

«Нам, без сомнения, нужно собрать все наши силы и направить все наше внимание в одну точку,— писал Н. Козловский, — и таким собирателем и руководителем может быть для нас при настоящих условиях только рабочая газета».

«Громадное воспитательное значение ежедневной рабочей газеты в настоящее время вне сомнения»,— писал А. Ми—ий.

«На очередь дня для формирующейся пролетарской армии выдвигается необходимость своей действительно пролетарской ежедневной газеты, которая сумела бы обслуживать нужды все растущего движения», — утверждал астраханец Урусов.

В передовой статье «Звезды» под названием «Рабочая газета» (№ 37 от 9 января 1912 г.) старый партийный литератор Н. Н. Батурин указывал, что были социал-демократические газеты интеллигентские, были газеты «для рабочих», нужна же *рабочая* газета. Вопрос казался выясненным достаточно.

В следующем же номере «Звезды» (№ 38 от 15 января 1912 г.) Павел Погулянский, прилагая два рубля, предлагал создать при «Звезде» фонд на издание рабочей газеты. Отклики на этот призыв последовали немедленно. «Звезда» открыла сбор денег.

Одновременно вопрос получил разрешение и в руководящих партийных кругах. В январе 1912 г. в Праге собралась Всероссийская конференция большевиков. С'ехались на нее как делегаты промышленных районов, так и представители социал-демократической

фракции третьей Государственной думы. «Звезда» как газета не могла удовлетворить широкую рабочую массу. Руководясь этим, конференция решила создать в Петербурге ежедневную газету. В феврале заграничный руководящий центр во главе с В. И. Лениным уже намечал редакцию будущей газеты. В нее проектировали ввести двух членов третьей Государственной думы — депутата петербургских рабочих Н. Г. Полетаева, кубанского депутата И. П. Покровского и одного из партийных литераторов — Н. Н. Батурина (Н. Замятина).

Намерение большевиков выпускать новую ежедневную газету переполошило петербурских ликвидаторов [1]). Они повели кампанию за создание беспартийного рабочего органа, об'единяющего рабочую массу без различия фракций. Ликвидаторы начали созывать собрания, выступали на них с предложениями составить инициативную группу по созданию газеты. Усилиями большевиков тактика ликвидаторов была разоблачена перед рабочими. Союз петербургских булочников первый принял резолюцию, в которой заявлял:

---

[1]) Ликвидаторами называли тех меньшевиков, которые в годы реакции выступали с призывом отказаться от революционной подпольной работы (и, таким образом, ликвидировать подпольную партию) и использовать исключительно легальные возможности борьбы — Государственную думу, профессиональные и культурно-просветительные организации.

«Беспартийная классовая газета не может отвечать интересам рабочих, и все старания «инициативной группы» будут напрасны. А создавшись, она все равно примет какую-либо партийную окраску в зависимости от состава редакции».

Идея беспартийной газеты массы не соблазнила, ликвидаторы одни только и вошли в инициативную группу. 15 апреля, когда «Правда» уже готовилась к выходу, петербургские ликвидаторы созвали большое легальное собрание для решения вопроса о рабочей газете. На собрании против докладчиков-ликвидаторов выступили ораторы-большевики: булочник и металлист. Большевики в предложенной ими резолюции указывали, что инициативная группа «ведет рабочих к недопустимому расколу в вопросе в отношении к газете «Правда», которая по составу своих сотрудников, очевидно, будет являться выразительницей взглядов рабочей партии, исключая ликвидаторов». Резолюция дальше заявляла, «что рабочие, и каждый в отдельности и организационно, должны способствовать созданию единой рабочей газеты путем поддержки газеты «Правды...» Однако, ликвидаторы, благодаря составу собрания, подобранного из их сторонников, провели свою резолюцию. Она говорила о разработке устава общества для издания «Рабочей газеты» и о допущении в «Правду» представителей профессиональных и культурно-просветительных обществ.

Рабочие массы за ликвидаторами не пошли. Это стало очевидным тотчас же. Ход денежных сборов

на издание газет показал, что рабочие свои симпатии отдают большевикам. В то время как ликвидаторы провели сбор на свою газету только по 15 рабочим группам, большевикам за январь — апрель 1912 г. без труда удалось провести 335 групповых сборов. До 5 мая «Звездою» было собрано 4.288 руб. 84 коп. Откликался не только рабочий Петербург, который, конечно, дал бо́льшую часть собранных сумм, жертвовали и окраины. При этом сильно от других отставала Москва. Приток сборов, увеличивавшихся из месяца в месяц, особенно усилился в апреле, когда пролетариат всколыхнуло известие о ленском расстреле. Наличная, хотя и скромная сумма давала возможность приступить к изданию задуманной газеты. 10 апреля «Звезда» помещает об'явление о выходе с 15 числа новой ежедневной газеты. Сборы продолжались и дальше. За первый же год существования «Правды» они дали сумму в 9.334 руб. 49 коп. Из этих денег *79,9%* всей суммы было собрано *рабочими группами*, 20% дали интеллигентские группы, 0,1% — крестьяне. Уже это свидетельствовало о том, что «Правда» была детищем рабочего класса.

«Когда возникла легальная большевистская «Правда» — писал впоследствии В. И. Ленин, — за ней стояли десятки и сотни тысяч рабочих, своими копеечными сборами победивших и гнет царизма, и конкуренцию мелкобуржуазных предателей социализма, меньшевиков».

В «Правду» за 1912 г. поступили сборы от 620 рабочих групп, в 1913 г. в «правдистские» издания поступили сборы по 2.181 рабочей группе, в 1914 г. (до 1 апреля) — по 1.217 группам.

В середине апреля 1912 г. на квартире у Полетаева был решен вопрос о платформе «Правды». Тут же наметили содержание ее первого номера. На этом совещании присутствовал нелегально проживавший тогда в Петербурге член большевистского центрального комитета И. Сталин, депутаты Думы — Полетаев и Покровский и партийцы-литераторы — М. С. Ольминский и Н. Н. Батурин.

«Правда» еще только готовилась появиться на свет, когда в далекой сибирской тайге прозвучали залпы расстрела рабочих на Ленских приисках. Жуткая весть о ленском расстреле 4 (17) апреля всколыхнула весь рабочий класс страны. Рабочее движение оживилось, Ленская трагедия, раскрывая глаза даже наиболее отсталым слоям пролетариата, пробуждала их классовое сознание. В эти дни возбужденного под'ема рабочих масс, в эти дни, когда нужно было правильное политическое руководство, появление «Правды» отвечало назревшей необходимости в газете — политическом руководителе и организаторе. С нетерпением рабочая масса ждала ее выхода.

В то утро, когда выходил первый номер «Правды» — 22 апреля (5 мая) 1912 года — в маленьком помещении редакции на Николаевской улице собрались представители профессиональных и культурно-просве-

тительных организаций приветствовать народившуюся рабочую газету. В рабочих районах у газетчиков ее расхватывали. «Правда вышла» — с торжеством передавали по фабрикам и заводам. В редакцию одно за другим поступали и печатались приветствия газете, присылавшиеся из Петербурга и из провинции.

Не только денежные сборы на «Правду» говорили за то, что она является рабочей газетой. Об этом же свидетельствовала ее цена — 2 копейки за номер. Впоследствии возникала мысль удешевить «Правду» до копейки. Однако, вместо этого предпочли увеличить размер газеты. О рабочем характере «Правды» свидетельствовала и доступность того языка, которым она говорила с читателем и который составлял предмет особой — порой мучительной — заботы редакции. Но самое главное — об этом говорило содержание всех без исключения номеров газеты.

Обильных телеграмм, обширной городской хроники, статей, ежедневно толкующих о политике европейских правительств, богатых корреспонденций о заграничной жизни, — всего того, что составляло обычно содержание русских буржуазных газет, в «Правде» не найти. От первой страницы до последней «Правда» заполнена материалом, непосредственно касающимся рабочей жизни. Всякое политическое событие, о котором сообщается в «Правде», она увязывает с интересами рабочего класса. Ни одно явление рабочей жизни не может пройти мимо нее. В Петербурге, например, происходит несколько

строительных катастроф, и «Правда» в ряде заметок и статей сосредоточивает на них свое внимание. Все более крупные явления рабочей жизни освещаются в газете регулярно, дают материал для длительных широко развернутых кампаний, которые ведет газета. Кампании стачечная, избирательная (по выборам в четвертую Государственную думу), страховая, борьба с ликвидаторами — все это составляет главное содержание «Правды» в первый же год ее существования. За первый год в газете было напечатано 1.335 статей. 226 из них говорили о борьбе труда и капитала, 80 были посвящены страховой кампании, 48 освещали вопросы организации рабочих, 12 говорили о строительных катастрофах, 11 рассматривали вопросы, связанные с деятельностью фабричной инспекции. Много места занимали статьи на политические темы. Из того же числа статей 141 затрагивала вопросы выборов в Государственную думу, 55 говорили о Думе и Государственном совете, 11 — о думской социал-демократической фракции, 137 вели полемику с буржуазными партиями, 52 критиковали деятельность ликвидаторов.

Хроника «Правды» — это хроника подлинной рабочей жизни. В каждом номере она заполняет ряд отделов. «Рабочее движение», «На фабриках и заводах», «По России», «Стачки» — это все постоянные отделы хроники, как и некоторые другие — страховой, женский, профессиональный. Время от времени встречаются специальные отделы — «Среди печатников»,

«Среди строительных рабочих», «Среди приказчиков». Отсюда, из некоторых отделов, вырастают впоследствии даже специальные журналы — «Вопросы страхования», «Работница», «Вестник приказчика».

Такой обильной разносторонней рабочей хроники не могло бы быть в газете, если бы ее не доставляли в «Правду» со всех концов России сами же рабочие.

«Мы бы желали, — говорила редакция в первом номере в статье «Наши цели», — чтобы рабочие не ограничивались одним сочувствием, а принимали активное участие в деле ведения нашей газеты. Пусть не говорят рабочие, что писательство для них «непривычная» работа: рабочие-литераторы не падают готовыми с неба, они вырабатываются лишь исподволь, в ходе литературной работы. Нужно только смелее взяться за дело: раз-два споткнешься, а там и научишься писать...»

Неоднократно и позже в «Правде» появляется просьба присылать материал:

«Редакция просит провинциальных читателей, живущих в фабрично-заводских районах, присылать корреспонденции о местной жизни».

Рабочие откликались на эти призывы. Токарь И. Наумов, работавший в Москве, рассказывал впоследствии, как он писал свою первую корреспонденцию о «тяжелой и темной, как ад, жизни»:

«Писал я не совсем один — мне помогали токаря, я лишь «отделывал», «полировал», — как шутили

товарищи. Токарная наша помещалась в темном подвале. Была узка, грязна. И мы грязные, усталые, не без труда составляли заметку о нашем житье-бытье. На другой день я прочел ее переписанной набело, получил одобрение и послал в Питер»[1]).

Корреспонденции из Харькова, которым местная большевистская организация придавала большое значение, писались коллективно.

«Каждая из таких корреспонденций писалась обдуманно и осторожно. Обыкновенно кто-нибудь из товарищей собирал сведения; сведения эти приносились в организацию, там им придавалась литературная форма, и они летели в Петербург. Очень часто корреспонденции писались самими рабочими» [2]).

На многих петербургских фабриках и заводах возникали кружки «Правды», «тройки», участники которых собирались для чтения газет, составляли и, во избежание ложных сообщений и провокаций, просматривали корреспонденции, присылаемые с предприятий в редакцию [3]).

---

[1]) И. Наумов. — Как я начал писать в «Правде». (Из эпохи «Звезды» и «Правды». Вып. III, 1923, стр. 87).

[2]) В. Невский. — Партийная организация в Харькове в 1912 г. (Из эпохи «Звезды» и «Правды». Вып. II, 1921, стр. 35).

[3]) Артем Гертик. — Распространение газеты «Правда». (В сборнике «Путь правды». Материалы и воспоминания. Изд-во «Октябрь». Тверь. 1923, стр. 88—89).

В помещении этих корреспонденций наблюдалась известная планомерность: сначала в газете появлялась небольшая заметка о жизни рабочих на каком-нибудь предприятии, потом новое сообщение о том же предприятии заостряло внимание читателей на ненормальном явлении в его жизни, наконец, приходила весть о начавшейся на предприятии забастовке. Читая в таком порядке земетки о своем предприятии, даже наиболее отсталые рабочие приучались связывать свое будничное положение с участием в пролетарской борьбе, постепенно втягивались на путь борьбы.

«Правда» располагала небывалой до сих пор сетью корреспондентов на фабриках и заводах. Ни одна социал-демократическая газета никогда еще не была в состоянии поставить лучше отдел рабочей хроники. За второй год существования «Правды» в газете было напечатано свыше 11.114 рабочих корреспонденций и более 200 статей, написанных рабочими. Писали корреспонденты обо всем: писали о длине рабочего дня и о заработной плате, о медицинской помощи и о жилищных условиях, о женском и детском труде, о профессиональных организациях, писали о страховых кассах и о рабочих кооперативах, о бурно поднимающейся стачечной волне и о политических настроениях в рабочей среде. Но едва ли не на первом месте шли сообщения о возникновении и о ходе стачек. За первый год существования «Правды» в ней было напечатано 2.045 стачечных корреспонденций, за последний год — 3.522.

Писали в «Правду» представители всех профессий: металлисты и текстильщики, печатники и табачники, булочники и железнодорожники, деревообделочники и приказчики, конторщики и дворники, строительные рабочие и трамвайщики, кондитеры и больничные служащие...

Писали, главным образом, петербуржцы. Но в «Правду» же летели корреспонденции с юга и севера, из Поволжья и из Польши, из Прибалтийских губерний и с Урала, из Центрального района и с Дальнего Востока, с Кавказа и из Сибири.

Непрерывной лентой развертывались перед читателем потрясающие факты эксплоатации рабочего класса на всем пространстве огромной страны. Не прошло и трех месяцев с момента выхода «Правды», как автор одной из помещенных в газете статей писал:

«Всего вышло 63 номера «Правды», а сколько черной грязи изобличено в рабочей хронике этой газеты. Над нашими головами пролетели прямо-таки караваны мрачных известий: и кулачные расправы, и ругатели, и гиблые, прогнившие мастерские, и каторжный непосильный труд и пр., и пр. И, кажется, нет конца этим караванам: с каждым днем они вытягиваются все длиннее и длиннее и все более мрачные вести несут они из-за фабричной ограды» [1]).

---

[1]) П. Венкулев.—Письма из ада. («Правда», 1912 г., № 65 от 14 июля).

Понятно, какой богатый материал представляли и представляют собою эти корреспонденции. Пятнадцать лет назад рабочий читатель «Правды» по ним учился ненавидеть угнетающий его строй, при чтении их чувствовал, осознавал необходимость слить свои усилия с усилиями всего рабочего класса в борьбе против капитализма и царизма. Огромная историческая роль этих корреспонденций теперь уже в прошлом. Но и для нас они не теряют своего значения, как те человеческие документы, как те, пропитанные гневом, возмущением строки, при чтении которых отчетливо вырисовываются картины неприглядного положения рабочего класса. Перелистаем еще раз пожелтевшие листы «Правды», бережно хранимые теперь на полках библиотек. И не мы — пусть запечатлевшиеся на них строки расскажут нашим современникам, как жил и за что боролся российский пролетариат в тот краткий промежуток времени, в те два с половиною года, которые отделили ружейные залпы в Ленской тайге от первых раскатов орудийного грома, возвестивших в 1914 г. о новой бойне, в которую империалистические правительства двадцати с лишним стран бросили пролетарские и крестьянские массы.

РУССКИЙ РАБОЧИЙ НАКАНУНЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

I. РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Лозунг 8-часового рабочего дня в русском рабочем движении, как и в международном, был выставлен еще давно [1]). Но и фабрично-заводская практика, и царское законодательство были далеки от признания этого лозунга. Русский капитализм всегда пользовался тягчайшими методами эксплоатации рабочего класса. В его эксплоататорской практике стремление к удлинению рабочего дня играло видную роль. Охраняя интересы капитала, русское фабричное законодательство, даже после первой революции, защищало непосильный изнурительный рабочий день.

Действовавший в момент ленских событий царский «Устав о промышленности» допускал для всех рабочих, занятых исключительно в дневное время (включая также подростков в возрасте 15—17 лет), рабочий

---

[1]) Историческую резолюцию об организации ежегодной первомайской манифестации рабочих с требованием 8-часового дня принял первый конгресс II Интернационала, собравшийся в Париже в 1889 г. В России о 8-часовом дне говорилось в речах рабочих, выступавших на первомайском собрании в Петербурге в 1891 г. Требование 8-часового дня вошло в программу российской социал-демократии, принятую в 1903 г. на втором с'езде партии.

день в $11^1/_2$ часов (статья 156^4) [1]). Это время не должно было превышать 10 часов в сутки только в том случае, если рабочий отчасти был занят ночью (ст. 156^5). Для ночной работы устанавливался 10-часовой рабочий день (ст. 156^5). Малолетних, которых закон допускал к работе в возрасте с 12 лет, разрешалось занимать работою 8 часов в сутки, при этом не более 4 часов сряду (ст. 109). Если же работы производились без перерывов, рабочий день малолетних устанавливался в 6 часов (ст. 109, прим. 1). В тех же производствах, где производилась 18-часовая непрерывная дневная работа двумя сменами, закон разрешал доводить рабочий день малолетних до 9 часов, причем единственным условием ставил производство работы не долее $4^1/_2$ часов сряду (ст. 109, примеч. 2). Воспрещена была работа малолетних только в производствах, вредных для их здоровья или признаваемых для них изнурительными (ст. 111).

Ночной труд (под которым царский закон понимал работу с 9 часов вечера до 5 часов утра в одну смену и с 10 часов вечера до 4 часов утра при работе двумя сменами) был запрещен для малолетних

---

[1]) Эта продолжительность рабочего дня была установлена еще законом 1897 г. Издать его царское правительство вынуждено было под влиянием стачек петербугских рабочих. Министерские циркуляры помешали вместе с тем предоставить предпринимателям ряд возможностей отступать от требований закона.

(ст. 110). Но тут же «в виде из'ятия» закон разрешал 6-часовую ночную работу малолетних в стеклянном производстве (ст. 110, примеч. 1). Запрещен был также ночной труд подростков (от 15 до 17 лет) и женщин в текстильной промышленности (ст. 122). Однако, закон сейчас же предоставлял право правительственным органам (присутствиям по фабрично- и горно-заводским делам и губернаторам) разрешать в этих предприятиях ночную работу подростков и женщин в особо уважительных случаях или при совместной работе с мужьями и отцами (ст.ст. 124 и 125). Особо уважительным случаем могло также считаться на фабрике «усиленное поступление на оную заказов пред ярмарками». Для женщин воспрещена была лишь ночная работа в горно-заводской промышленности в Польше (ст. 126).

Широко разрешал закон сверхурочные работы, допуская их по особому соглашению фабрично-заводской администрации с рабочими. Делалась при этом оговорка о включении в договор найма соглашения только о тех сверхурочных работах, которые необходимы по техническим условиям производства (ст. 156[8]). Такая оговорка была ничтожна и предоставляла на практике широкую возможность истолковывать ее как угодно.

Конечно, в фабрично-заводской жизни законы, устанавливавшие длину рабочего дня, не применялись буквально. Были случаи, когда рабочий день, благодаря борьбе рабочих или из расчетов самих владельцев,

был несколько ниже разрешенного законом. Зато был ряд и других случаев, когда не соблюдалась даже жесткая законная норма рабочего времени.

Восьмичасовой рабочий день составлял одно из требований социал-демократической программы. В начале 1912 г. Пражская конференция большевиков подтвердила, что требование 8-часового дня должно составлять один из главнейших пунктов платформы партии, выставляемой при выборах в четвертую Государственную думу. На практике 8-часовой рабочий день встречался как исключение. О нем корреспонденции в «Правде» рассказывают изредка. Он существовал, например, с 1906 г. в Петербурге на Невском стеариновом заводе, где работа шла в три смены. Существовал он также в столярной мастерской завода военно-врачебных заготовлений. В Брянских мастерских службы пути Киево-воронежской железной дороги 8-часовой рабочий день как-то непонятно и странно уживался с 14-часовым (!) днем для некоторых категорий рабочих.

Редко в корреспонденциях «Правды» попадаются сведения и о 9-часовом дне. Иногда на одной и той же фабрике существовал одновременно рабочий день разной длины для различных цехов и одинаковый по продолжительности день для малолетних, мужчин и женщин. На фабрике товарищества «Лаферм» слесаря работали неодинаково: слесарь при мастерских работал $9^1/_2$ часов, а слесарь на машинах — 10 часов. Такой же 10-часовой день существовал на этой

фабрике для работниц и мальчиков. Строительные рабочие имели 10-часовой день. В хромолитографии Трайнина в Петербурге хозяин согласился во время забастовки сбавить полчаса и ввести 10-часовой день. Характерно, что и в другой хромо-литографии Киббеля существовал $10^1/_2$-часовой день. 11 часов работали служащие книжных складов. На 11-часовой день согласился владелец багетной фабрики Фрейдберг.

Чаще нам попадаются сведения о рабочем дне, превышающем сроки, установленные далеко не мягкими статьями царского закона. Хозяева всегда находили способ обходить его требования. 12-часовой день практикуется на фабрике изоляционно-пробочных изделий Шмеллинга, 12 часов работают в Харькове рабочие городского трамвая, 12-часовой день существует в Петербурге для сторожей Гутуевского торгового порта, сторожа же, несущие ночное дежурство, заняты $11^1/_2$ часов.

Во многих отраслях производства рабочий день для разных категорий рабочих или в разных предприятиях резко отличается своей продолжительностью. В крупных часовых мастерских часовщики работали 9 часов. У мелких хозяев их рабочий день тянулся 12 и даже 13 часов подряд. Времени на обеденный перерыв не давалось. К тому же по праздникам часовщики должны были еще чистить товар и убирать выставку в магазине. «Старый приказчик» (видный деятель профессионального движения приказчиков

М.А.Сейфер)[1]) в своей статье «Рабочий день приказчика» рассказывал, что рабочий день петербургских приказчиков не был одинаков: в Гостином дворе лавки закрывались в 8 часов вечера, летом в 6—7, а некоторые и в 4—5, на Апраксином дворе — в $9^1/_2$ часов вечера, на Александровском рынке — в 8 часов, а некоторые даже в 9—10 часов вечера. В городе рабочий день в иных магазинах продолжался 10 часов. Рабочий-булочник Борис Иванович в статье «Жизнь и условия труда рабочих-булочников» описывал рабочий день в петербургских пекарнях, который тянулся 11 часов. При этом праздничный отдых сводился только к двум дням в месяц.

Ночная работа начиналась с 4—5 часов дня и тянулась до 5—6 часов утра, после чего приходилось еще работать с 9 часов утра до 1 часу дня. Таким образом, смена там, где она была одна, работала 18—20 часов в сутки. При таких нечеловеческих условиях труда рабочим и спать приходилось урывками. В Павлограде на мельнице братьев Еромицких приказчики работали почти 17 часов в сутки с минутными перерывами для еды. Харьковские трамвайные рабочие, работавшие обычно 12 часов, иногда были заняты 16-часовой работой.

[1]) М. А. Сейфер работал в Петербурге приказчиком в фирме Мандль. Был одним из инициаторов об'единения пролетариев прилавка. Вместе с ним энергично работала его жена. В «Правде» был активным сотрудником. Призванный в армию во время империалистической войны, М. А. умер в госпитале 10 апреля 1915 г.

Рабочая масса боролась с этими стремлениями хозяев сохранить продолжительный рабочий день. Вопрос о продолжительности рабочего времени в предпраздничные дни увязывался к тому же с вопросом об оплате этих дней. На наждачной фабрике и машино-строительном заводе «Струк» рабочие выставили требование 9-часового дня, а в предпраздничные дни требовали окончания работы в два часа дня, однако, с уплатою за целый рабочий день. На столярных фабриках в Москве требовали 9-часового рабочего дня, под праздники — 7-часового. На маслобойном заводе Жукова в субботу вместо 5 часов хотели окончания работ в 3 часа дня. Рабочие кабельного завода выставляли требования 8-часового рабочего дня.

В «Правде» можно найти много сообщений о выходящих из ряда вон случаях эксплоатации рабочего времени. Пожалуй, достаточно и нескольких приведенных, чтобы видеть, как далеки были условия фабрично-заводского труда от осуществления требования 8-часового рабочего дня. Существовавшие условия даже не всегда позволяли рабочим выставлять это требование: зачастую они урезывали этот лозунг, боролись за меньшее, за какое-либо получасовое сокращение рабочего времени и считали себя удовлетворенными, когда этого удавалось добиться. Война лишила рабочих даже многих из тех ограничений, которые существовали в законе в отношении рабочего времени. Ряд таких ограничений был отменен в 1915 г.

II. ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Немало строк в «Правде» отведено вопросу о заработной плате. Этому вопросу в первые же месяцы существования газеты несколько статей посвятил В. И. Ленин. В одной из них (№ 86 от 9 августа 1912 г.) он останавливался на вопросе о движении заработной платы за десять лет, начиная с 1901 г., кончая 1910 г. В первое пятилетие, когда заработная плата росла медленно, рабочий получал в год в среднем 206 руб. К этим данным, почерпнутым из отчетов фабричных инспекторов, Ленин делал поправку. Он замечал что, если в революционном 1905 г., по сравнению с предыдущим годом, заработок рабочего понизился на 8 руб., то произошло это потому, что рабочие за 1905 г. потеряли от недополучения заработка в забастовочные дни свыше 10 руб. на каждого. Пятый год был переломным моментом в движении заработной платы. Начиная со следующего, 1906 г., заработная плата резко возросла, составляя в среднем за пять лет сумму в 238 рублей в год на каждого рабочего. По сравнению с предыдущим пятилетием это давало увеличение на 32 руб. в год, т.-е. на 15%. Рост

заработной платы продолжался и в последующие годы [1]).

Каковы же были размеры заработка по отдельным профессиям и предприятиям в годы, предшествовавшие империалистической войне? На этот вопрос корреспонденты «Правды» дают многочисленные ответы.

Вот металлисты, одни из наилучше оплачиваемых рабочих. Меднопрокатный завод Розенкранц — «нерв промышленности Петербурга. Это огражденное от конкуренции и самое богатое производство». Так «Правда» характеризует этот завод. Месячный заработок рабочего составлял здесь 40—60 руб. Вальцовщики, шабровщики, труботягильщики, литейно-плавильщики получают в день 70 коп., подростки — 65 коп. За два года давалась прибавка — пятачок. Да и эта прибавка зависела от усмотрения администрации. Рабочие, прослужившие на заводе 20—30 лет, получали в день 90 коп. На наждачном и машиностроительном заводе «Струк» рабочие требовали, чтоб мастеровым платили не менее двух рублей в день, вновь поступающим — не менее 1 руб. 80 коп., вновь поступающим чернорабочим — не менее 1 руб. в день, вновь поступающим женщинам — не менее 80 коп., вновь поступающим мальчикам и ученикам — не менее 50 коп., остальным — не менее 70 коп., через

---

[1]) По другим данным, денежная плата в 1913 г. повысилась по сравнению с 1906 г. на 33 руб., реальная же заработная плата, ввиду того, что рост дороговизны перегнал ее рост, понизилась на 2 руб.

год мальчикам прибавить не менее 20 коп. в день. За сдельные работы хотели прибавки не ниже 40%, за сверхурочные и праздничные — двойную плату. Харьковский металлист получал 30 руб. в месяц, трамвайный смазчик — 20 руб. в месяц, слесарь — 12 коп. в час. В мастерских службы пути станции Брянск, Киево-Воронежской железной дороги, рабочий получал в день от 1 руб. до 1 руб. 50 коп. На Финляндском механическом заводе в час платили 8—17 коп., котельщикам—от 7 коп., мальчикам—от 5 коп. Поденщик в одном из цехов этого завода вырабатывал 80 коп. в день. Чтобы получать наивысшую плату, нужно было работать на заводе 20 лет. Мастеровые Обуховского завода получали 15 коп. в час.

Заработки текстильщиков уступали заработкам металлистов. На ситцевой фабрике Ясюнинских в селе Кохме, Владимирской губернии, мужчина зарабатывал в день 65 к., женщина — 40—45 к. В той же Кохме на фабрике товарищества мануфактур «А. Щербаков с сыновьями» ткач зарабатывал 10—15 руб. в месяц.

На табачных фабриках в лучшем положении были слесаря, получавшие поденно на фабрике «Лаферм» в Петербурге 1 р. 30 к. — 2 р. 80 к. Заработок женщин на тех же фабриках был значительно ниже. У «Лаферма» работницам давали по 50 к. в день, а на фабрике Шапошникова (в Петербурге) — 45 коп.

Столяр на заводе военно-врачебных заготовлений получал 25 — 35 р. в месяц. Если, случалось, мастер

не взлюбит какого-либо рабочего, то он не имел и этого.

На резиновой фабрике «Треугольник» вновь поступающим мужчинам платили поденно 80 к., женщинам — 60 коп. По усмотрению мастера или техника мужчинам ежегодно набавляли по 5 коп., женщинам же не давали и этой прибавки.

На сахаро-рафинадном заводе в Харькове рабочий получал от 40 до 45 к. в день. Ежегодная прибавка равнялась 1 копейке. Прослужив на этом заводе лет двадцать, рабочий мог рассчитывать на 60—65 к. поденной платы.

В петербургских пекарнях мастера получали в месяц 40 р., подмастерья — 20 р., бараночники — 12 — 29 р., хлебники — 10 — 25 р., мальчики 3 — 8 р.

Сторожа Гутуевского торгового порта, работавшие от коммерческих артелей, летом (с 1 мая по 1 октября) получали в месяц 17—19 р., в остальное же время их жалованье понижалось до 15 р.

На гончарных заводах в Боровичах, Новгородской губернии, плата была ужасающе низкой: за $11^1/_2$-часовой рабочий день платили от 50 до 60 к.

Несколько выше других была оплата строительных рабочих. В Петербурге строительная контора «Бодо и Эгесторф» и подрядчик Зиновьев платили поденно плотникам 1 р. 30 к.—1 р. 40 к., на других постройках плотники за 10-часовой день получали 1 р. 45к.—1 р. 55 к.

Местные бетонщик и за тот же 10-часовой день получали 1 р. 50 к.—1 р. 60 к., т.-е. при 25 обязательных

рабочих днях в месяц зарабатывали 37 р. 50 к.— 41 р. 50 к. Пришлым рабочим, как, например, землекопам, платили в месяц 26 р. Самое бойкое время для строительных рабочих составляла осень. В это время мастер зарабатывал 2 р. 75 к. в день. И тот же мастер работал зимою за 75 к. в день.

Невысок был и заработок приказчиков. В 1912 г. на книжном с'езде докладчик по вопросу о положении служащих в книжном деле указывал, что приказчики книжных магазинов и конторщики в среднем получали в столицах 35 р. в месяц.

Как видно из корреспонденций «Правды», почасная оплата на предприятиях встречалась очень часто. Неоднократно пред'являлись требования заменить ее поденной. Одновременно практиковалась и поштучная оплата. В калошной мастерской фабрики «Треугольник» за пару калош платили $3^1/_2$ к. Поштучная работа привлекала рабочих. Корреспонденция о багетной и альбомной фабрике «Отто Кирхнер» в Петербурге рассказывала: «рабочие берут нарасхват поштучные работы, не считаясь с ее расценком». За ту же плату работают не 9, а 12 часов. Их выгоняют, они прячутся в уборной и по уходе администрации опять работают. Поденщики получали здесь в день 1 р. 08 к.

Сверхурочные работы практиковались во многих местах,— где за двойную плату, где в полуторном размере.

Сильно возмущали рабочих установленные на предприятиях сроки и время выдачи заработной платы.

Обычно плата выдавалась по окончании рабочего дня. Это вызывало досадную потерю времени. На многих предприятиях поэтому рабочие требовали выдавать деньги в рабочее время. Заявлялись также требования о производстве расчета не в конторе, а по мастерским. Требовали производить выдачи по субботам через две недели.

Больным вопросом, связанным с заработной платой, был вопрос о штрафах. Штрафы налагались повсюду. На заводе акционерного общества «Фармакон» штрафовали в 1 рубль за битье посуды, за разговоры и т. д. В других местах штрафовали за курение, за невыход на работу. Вместе с тем администрация вычитала с рабочих стоимость того, что должно было бы заводиться за счет хозяев. С портовых сторожей, например, вычитали 1 рубль за бляху, гривенник за свисток.

За время болезни рабочие обычно ничего не получали. И они считали себя счастливыми, если им удавалось от хозяина добиться, чтобы он во время болезни выплачивал жалованье в половинном размере и выдавал бы лекарства за счет предприятия.

Охотно шли хозяева на более высокую заработную плату только для... штрейкбрехеров. В Петербурге на крупном электротехническом заводе «Сименс и Гальске» во время забастовки штрейкбрехерствующие слесаря получали по... 4 руб. в день.

Дороговизна жизни, хотя и не могла еще сравниться с дороговизной, наступившей потом, во время

империалистической войны, все же росла. В крупном промышленном центре — в Харькове — в 1912 г. стояли такие цены на продукты: белый хлеб стоил $3^1/_2$—5 к. за фунт, фунт мяса — 14—25 к., фунт сливочного масла — 50—60 к., фунт рафинада—20 к., фунт сахарного песку —14—16 к., мера картофеля — 20 к., фунт пшена — 3—5 к., фунт гречневой крупы — 5—8 к. фунт сала — 20—25 к. При этом комната на окраине стоила в месяц 4—10 руб. [1]) Присчитывая сюда расходы на одежду, баню и культурные потребности, легко представить, что рабочему существовать было трудно, а семейному прямо невозможно [2]).

---

[1]) В. Невский. — Рабочее движение в Харькове в 1912 г. (Из эпохи «Звезды» и «Правды». Вып. II, 1921, стр. 64).

[2]) По данным анкеты, проведенной среди киевских рабочих в 1912 г., одинокие тратили на питание и квартиру 60,7% своего бюджета, семейные—72,6%.

III. УСЛОВИЯ ТРУДА

Тесные, темные, грязные мастерские. Часто подвальные помещения, где ютится предприятие мелкого хозяйчика... Окна в пол-аршина высоты и те совсем зарывшиеся в землю... Грязные, немытые полы... Пыль и духота... Или большие, но не отапливаемые холодные мастерские. Отсутствие вентиляции, иногда никуда негодные вентиляторы. Жара, доходящая до 90—120°. Жара, вынуждающая работать нагишом... Ни баков с кипяченой водой, ни умывальников...

Такими рисуются глазам читателя «Правды» фабрично-заводские помещения и ремесленные мастерские, — помещения, вовсе не приспособленные для массовой работы, не удовлетворяющие самым простым требованиям гигиены.

В этих мастерских еще скорее развиваются профессиональные заболевания. В этих помещениях, где проходит долгий день, где проводится ночь, рабочему легко заболеть. Но очень часто на фабрике отсутствует какая бы то ни было медицинская помощь. Больной рабочий для хозяина не существует. Хозяин не только не намерен оплачивать дни его болезни, но спешит как можно скорее выкинуть больного за ворота. В одном из небольших петербургских

предприятий упала в обморок девушка-работница. Виноваты были условия труда: жара в помещении при полном отсутствии вентиляции. На лежавшую в обмороке наткнулся хозяин. Сейчас же раздался его крик: «у меня не лазарет для больных!..» На маленьких фабриках и заводах нет фабричных врачей, и рабочим только после забастовки удается иногда добиться того, чтобы для осмотра больных на фабрику приезжал врач, хотя бы раз в неделю. Только забастовкой удается иногда вырвать у хозяев согласие давать лекарства за их счет. На больших предприятиях и того хуже. На петербургской фабрике резиновой мануфактуры «Треугольник», где работало не мало, не много — 13.000 человек, не было больницы. Но и там, где фабричные больницы существовали, они не могли очень часто удовлетворить рабочих. Рабочие на Сабучанских нефтяных промыслах в Баку жаловались, что при промысловой больнице нет детского отделения. Те же рабочие указывали на существовавшие в больнице условия приема больных. Эти условия, по мнению рабочих, могли только способствовать распространению заразных заболеваний. Нередко рабочие жаловались и на грубость врачебного персонала. «Ну что? Зачем? Раздевайся скорее, мерзавец!» — встречал доктор больного харьковского трамвайщика.

Не лучше обстояло и с предупреждением несчастных случаев на предприятиях. То здесь, то там происходили эти случаи и не по неосторожности рабочих,

но по вине фабрично-заводской администрации. То разорвется задняя стенка формы, выльется расплавленный чугун и обожжет нескольких рабочих... То, за отсутствием заграждения, рабочему оторвет руку... В 1912 г. в Петербурге прошла целая полоса строительных катастроф. В шестиэтажном строившемся доме рухнула капитальная поперечная стена. Дело было ночью. Но двое рабочих, вопреки правилам, ночевавших на постройке, погибли. В нескольких местах обрушивались потолки. Участившиеся случаи строительных катастроф в Петербурге и в провинции привлекли к себе внимание печати и судебных властей.

Очень сильно чувствовал на себе рабочий отношение администрации. Еще прежде, чем поступить на завод, рабочий дожен был снискать ее благоволение. Чтобы попасть на работу в мастерские Северо-Донецкой железной дороги, нужно было задобрить мастера. И то приходилось месяцами ждать очереди. Старый существовавший на петербургских фабриках обычай ставить мастерам и новым товарищам по работе «привальное» еще не искоренился. Чтобы получить хорошую работу, чтобы были починены машины, обычай требовал угостить мастера. «Задаривания» старшего были в обыкновении на заводе № 1 товарищества «Треугольник». То, что делалось на крупнейших фабриках было и на остальных. Мастера и рабочие составляли два враждебные лагеря. Слишком часто рабочим приходилось требовать

вежливого обращения со стороны мастеров и администрации. Мастер, дающий волю рукам, — фигура, нередкая на фабрике. Этот мордобой унижал личность рабочего, как унижали его и другие практиковавшиеся администрацией мероприятия, в особенности те, которые направлялись против мнимого или действительного воровства на предприятиях. Широко были распространены обыски рабочих при выходе с работы. На некоторых фабриках нанимали даже специального сыщика для борьбы с «воровством» — в результате следовало увольнение рабочих и нередко даже целых семей.

На почве необоснованного обвинения в 1913 г. в Петербурге на заводе «Новый Лесснер» произошел трагический случай. Рабочий Стронгин должен был нарезать свыше полуторы тысяч гаек. Половина этих гаек у него пропала. Мастер Лауль потребовал от Стронгина в два дня представить все гайки, грозя иначе выгнать его с пометкой «за воровство». Стронгин выпросил разрешение работать ночью и взял у мастера ордер на получение веревки из склада. Утром Стронгина нашли повесившимся на лестнице; в оставленном письме самоубийца писал:

«Прежде чем покончить расчеты с жизнью, говорю вам, товарищи: я невиновен. Об этом говорит вам моя совесть, мое сердце, моя рабочая честность. Но доказать это я не могу. Уйти же с завода с клеймом вора, поставленным мне мастером, я не в силах. И вот я решил покончить с собой».

Рабочие потребовали увольнения Лауля. Администрация завода заявила, что не считает мастера виновником самоубийства. Началась забастовка, которую поддержали рабочие завода «Старый Лесснер», принадлежавшего тем же владельцам. Забастовка продолжалась 102 дня. Рабочие петербургских фабрик начали сборы в пользу бастующих. Сорвали забастовку штрейкбрехеры, сперва на «Старом», потом на «Новом Лесснере».

Сходный случай произошел в мае 1912 г. на заводе Эльворти в Екатеринославе. Здесь мастер слесарного цеха избил рабочего. Свыше 2.000 рабочих потребовали удаления мастера. Переговоры с фабричным инспектором, с полицеймейстером не достигли цели. Рабочие отправили телеграмму члену Государственной думы Кузнецову. Мастер, наконец, попросил о переводе его с завода.

Уже не о грубом отношении администрации, но об ее преступности свидетельствовала та эпидемия отравлений, которая охватила ряд петербургских фабрик и заводов в марте 1914 г. Уже за два года до того печатавшиеся в «Правде» корреспонденции о заводе «Треугольник» указывали на ядовитые испарения, наполнявшие мастерские при работе. В начале марта 1914 г. на резиновой фабрике товарищества «Проводник» в Риге произошло несколько отравлений. 12 же марта в Петербурге на фабрике «Треугольник» работницы одна за другой начали падать в обморок.

«Калошницы,— рассказывает корреспонденция,— падали подряд между столами, разбиваясь о железные рамки и чугунные колодки. Раздавались крики и стоны. Куда ни посмотришь, везде калошницы корчатся в судорогах с искаженными посинелыми лицами».

Падали и женщины, и мужчины. Фабричная амбулатория была переполнена. Приводили и приносили поминутно новых. Кто чувствовал себя еще здоровым, спешил скорее покинуть фабрику. У всех внезапно заболевших обнаружились признаки отравления — головокружение, рвота, судороги, обмороки кровотечение из носа, кровохаркание. В этот день отравилось около 200 человек. В дальнейшем выяснилось, что причиной отравления были испарения бензола из резиновой массы, употреблявшейся для калошной мази. Даже в Государственной думе в ответ на запрос социал-демократической фракции представитель правительства вынужден был признать, что бензол был невысокой очистки. Однако, администрация «Треугольника» и на следующий день, 13 марта, предоставила для работы ту же резиновую массу. На фабрике произошло 50 новых отравлений. Отравления продолжались и на третий день.

Одного этого случая было бы достаточно, чтобы всполошить рабочие массы. Но в следующие же дни в Петербурге последовали новые отравления, главным образом, женщин и подростков. Массовые отравления происходили уже на табачных фабриках Богданова,

Шапошникова, «Лаферм», в хромолитографии Кибеля, на Второй ниточной мануфактуре, на шоколадной фабрике Бездека, на фабрике Картен, на джутовой мануфактуре Лебедевой, на Мало-Охтинской ткацкой мануфактуре, на заводе «Новый Айваз», на фабрике Кана, на заводе Барановского, на Воронинской мануфактуре, на бумаго-прядильной мануфактуре.

Причинами отравлений были удушливый воздух в фабрично-заводских помещениях, плохая вентиляция, наконец, слабость организмов, вызванная недостаточным питанием.

Массовые отравления петербургских рабочих вызвали возмущение всей рабочей массы. В первый же день отравлений на «Треугольник» приехали члены социал-демократической фракции Государственной думы. Фракцией был внесен в думу запрос. Вместе с тем Путиловский и Балтийский заводы начали забастовку протеста. Уже на третий день забастовка охватила свыше 115.000 рабочих. Начались уличные демонстрации под красными знаменами. Полиция делала попытки разгонять демонстрантов, открывала по ним стрельбу. На улицах появились раненые. Предприятия, где произошли отравления, закрылись на время. На «Треугольнике» рабочих стали рассчитывать. В ответ на забастовку Общество фабрикантов и заводчиков об'явило локаут. Локаут коснулся преимущественно металлистов: были закрыты самые крупные заводы — Путиловский, Балтийский,

«Старый Лесснер», «Новый Лесснер», «Вулкан», «Парвиайнен» и ряд других. Пострадало от локаута около 70.000 рабочих. В то же время, по распоряжению градоначальника, был закрыт профессиональный союз металлистов.

Это наступление на рабочий класс, начатое капиталистами и правительством, поддержала буржуазная печать. В буржуазных газетах появились статьи, указывавшие на то, что массовые отравления были якобы делом рук «революционного комитета». Буржуазные газеты рассказывали дикие легенды о том, что революционеры подсыпали в бензин яд, чтобы из рядов работающих вывести женщин, которые, дескать, неохотно откликались на призыв к забастовке.

В ответ на эти лживые басни «Правда» в статье «Комитет отравителей найден» писала:

> «Этот комитет несомненно существовал и существует. Только искать его надо не среди рабочих. Его надо искать среди тех: 1) кто дал рабочим неочищенный бензин, 2) кто заставляет их работать в удушливой атмосфере, 3) кто непосильной работой, длинным рабочим днем и низкой заработной платой истощил организм рабочих, 4) кто непрестанными преследованиями рабочих организаций, рабочей печати и т. д., и т. д. создавал среди рабочих повышенное нервное настроение».

Указанный «Правдой» «комитет отравителей» продолжал свою губительную работу.

IV. ЖИЛИЩЕ И БЫТ

Далеко не последнее место в рабочей жизни занимал жилищный вопрос. Жилищные условия, в которые были поставлены рабочие, жившие на частных квартирах, тем более в квартирах, предоставляемых хозяевами, тесных, смрадных, были очень скверны. Корреспонденции «Правды» часто описывают обстановку рабочего жилища.

Вот квартиры петербургских булочников, предоставлявшиеся рабочим хозяевами. В 1907 г., после первой революции, рабочие добились выдачи им квартирных денег. Это повело к улучшению их жилищных условий. Но потом хозяева сочли выдачу денег для себя невыгодной и прекратили ее. В 1912 г. половина булочников жила на хозяйских квартирах и на хозяйском содержании[1]). Квартиры эти, по описанию «Правды»

> «...скорее напоминают какие-то стойла, чем жилые помещения: грязный пол и стены, кишащие паразитами всех сортов, самое ничтожное количество кроватей, на которых спят вповалку по два и по несколько человек на грязных тюфяках».

[1]) В Петербурге и окрестностях насчитывалось около 1.000 крупных и мелких пекарен с общим количеством рабочих до 15.000 чел.

В некоторых пекарнях мальчики спали на пыльных мешках. Тут же рядом стоит тесто. Помещение темное: в окнах решетки, стекла закрашены краской.

Немногим лучше бывало в тех случаях, когда большие предприятия строили для рабочих целые казармы. Характерны поэтому жилищные условия рабочих бакинских нефтяных промыслов. Здесь жилищный вопрос, которого владельцы не торопились разрешать годами, был одной из важнейших причин грандиозной забастовки, охватившей промыслы в начале лета 1914 г. Рабочие жилища, выстроенные хозяевами, были расположены на территории промыслов, на участках так называемого «поверхностного пользования». Почва их насквозь пропиталась нефтью. Воздух был испорченный. Промышленники обычно снимали эти участки в аренду всего на год. Поэтому они вовсе не считали необходимым сколько-нибудь прилично оборудовать жилища для рабочих, отличавшиеся крайне антисанитарным состоянием. Условия жизни в этих казармах видны из требований, пред'явленых забастовавшими бакинцами. Они требовали, чтобы все большие казарменные помещения были бы разделены на отдельные комнаты и в каждой находилось бы не более пяти человек. На каждого рабочего должно приходиться не менее 2 кубических саженей воздуха. Требования говорили о деревянных крашеных полах, о выбеленных или выкрашенных стенах, о паровом отоплении, об электрическом

освещении. Рабочие настаивали на предоставлении им железных кроватей с металлическими сетками. Они требовали устроить гигиенические отхожие места, оборудовать отдельные умывальные комнаты, отдельные столовые и кухни со всеми принадлежностями и на каждом промысле иметь бани с достаточным количеством воды.

Промышленники новых жилищ строить не хотели. Они ссылались на трудность проведения трамвая в рабочие поселки по узким дорогам, проложенным очень давно. Еще в 1908 г. правительство считало, что никаких новых жилищ на промыслах возводить нельзя, а существующие должны быть перенесены в рабочие поселки в пятилетний срок. Однако, соответствующего проекта в Государственную думу внесено не было. Владельцы промыслов рабочих поселков строить не собирались, и вопрос о жилищах промысловых рабочих оставался в прежнем положении, пока его не обострила в 1914 г. вспышка эпидемии чумы. Требования рабочих подкреплялись в данном случае авторитетом одного из лучших русских специалистов по чуме проф. Заболотного, который указал, что даже в Китае и в Индии рабочие вряд ли живут в таких условиях, и едва ли где-нибудь, кроме Баку, можно встретить что-либо подобное.

В еще худшем положении оказывались рабочие, приезжавшие на заработки из деревень на сахарорафинадный завод в Харькове. Администрация размещала их в деревянных бараках. Несколько же сот

рабочих недели две оставались жить за воротами завода под открытым небом.

Отсутствие хозяйских квартир возмещалось выплатой квартирных денег. Эти суммы были очень скромными. В Петербурге рабочие требовали по 4 руб. в месяц квартирных денег. На том же харьковском сахаро-рафинадном заводе рабочему давали в месяц на квартиру 3 рубля, нисколько не считаясь с тем, что у него 8 душ детей. В Баку частные квартиры были очень дороги. Поэтому забастовавшие рабочие требовали в 1914 г. выдачи квартирных денег для одиноких в размере 10 руб. для семейных — в размере 20 руб. Они требовали также квартирного довольствия, состоявшего из мазута, керосина, воды и мыла. В переводе на деньги рабочие вычисляли стоимость требуемого квартирного довольствия для одиноких: зимою в 14 рублей, летом в 11 руб., а для семейных — вдвое.

Рабочие, жившие на частных квартирах, редко имели отдельную комнату. Чаще их жилища были теми коечно-каморочными квартирами, наниматели или владельцы которых сдавали комнаты по койкам. Случалось при этом, что одна и та же койка сдавалась двум рабочим, из которых один работал в дневной, другой — в ночной смене.

В провинции попадались рабочие - собственники. Где-нибудь на окраине города они обзаводились маленьким домиком. О таких домах железнодорожных рабочих харьковский корреспондент «Правды» рассказывал:

«В Харькове почти все предместье Ивановка заселено рабочими-собственниками. Эти собственники, владельцы жалких домишек, заставляют голодать всю семью, отказывают себе в самом необходимом, питаются годами селедкой,—лишь бы соорудить свой «дворец», чтобы вслед затем сейчас же его и заложить».

Закладывались такие дома за 300—500 руб. и собственник их, вынужденный уплачивать проценты, на всю жизнь становился должником какого-нибудь ростовщика.

Больным вопросом для рабочего было питание. На некоторых заводах и фабриках существовали столовые. В Петербурге на заводе военно-врачебных заготовлений обед стоил от 20 коп. Качеством похвалиться он никак не мог. Хлеб давали черствый, щи — «не лучше, как на Лене». Автор корреспонденции намекал этим на повод, вызвавший волнение ленских рабочих. Другой автор, писавший о петербургских булочниках, характеризовал хозяйские харчи, как «помои в общем тазу». На упоминавшемся харьковском сахаро-рафинадном заводе рабочие столовались сообща. В день за это полагалось 20 коп. На завтрак рабочий получал кондер, на обед — щи и кашу, на ужин — суп и кулеш.

«Обед, — рассказывает корреспонденция о заводе, — готовится при отвратительных условиях: во щах можно найти все, что угодно, начиная от мочала; каша для упарки прикрыта мешком от

сахара; сорокаведерные котлы сделаны из котельного железа, никогда не моются, после одной пищи без мойки начинают варить другую. Котлов мало».

В таких условиях особенно тяжело приходилось семейным рабочим, чьи семьи жили тут же в городе. Нерадостна была жизнь в «семейных» квартирах, где иногда в одной комнате помещалось по нескольку семей. Жизнь их протекала бок о бок, отделенная ситцевыми занавесками.

Рабочему с его незначительным заработком зачастую не было возможности обзавестись семьей. Холостой рабочий прибегал к услугам проституток. В результате в 1911 г. при наборе в Москве на военную службу огромный процент рабочих-булочников оказался страдающим венерическими болезнями. Грязь в рабочих помещениях вызывала частые случаи накожных заболеваний и экземы. Около 4% булочников страдало этими болезнями.

Не всегда светлыми красками рисуют корреспонденты и нравы рабочей среды. Отсталую малокультурную рабочую массу сильно разлагало пьянство. На некоторых фабриках появление водки в рабочих помещениях было не редкостью.

«В дни дачек и по понедельникам водку на прядильную фабрику носят чуть не четвертями», — рассказывает корреспондент из села Кохмы, Владимирской губернии. То же явление наблюдалось в некоторых типографиях. Автор корреспонденции «Москва и ее задворки в субботние и праздничные дни» описывает

сцены на Пресненском гулянии, на Разгуляе, за Рогожской заставой. Рабочие пользуются свободным днем, чтобы итти в кабак. О пьянстве рассказывают корреспонденции из разных промышленных центров.

На ряду с пьянством процветали нередко азартные карточные игры и домино на деньги. Все это было благодарной почвой для драк, о которых рассказывал московский корреспондент, поножовщины, о которой писали из Харькова, для хулиганства.

Поднять рабочую массу духовно, пробудить в ней те или иные интересы должны были бы школа и культурно-просветительные организации. Достаточного количества школ не было. Отсутствовали даже на некоторых крупных предприятиях библиотеки, читальни, курсы; лекций не читалось. В Народном доме на бакинских нефтяных промыслах только 2—3 раза в месяц ставили спектакли. Тяга у рабочих к просвещению была, однако, немалая. Во время забастовки лесснеровцев «Правда» рассказывала:

«Мысль, возникшая у бастующих, чтобы использовать свободное время для пополнения своего умственного запаса, встретила общее сочувствие. Все были бы рады послушать лекции по различным общественным вопросам, а также познакомиться с музеями — зоологическим, этнографическим, художественным, геологическим, ботаническим садом. Относительно осуществления этой идеи высказывались различные предположения; в общем некоторые предлагают обратиться к культурно-

просветительным обществам с просьбой обратить внимание на положение бастующих и организовать ряд лекций и экскурсий для бастующих и их жен и детей. Во время локаута у Максвеля рабочие и работницы также подымали этот вопрос, и кое-что было тогда сделано».

Еще характернее требования, пред'явленные рабочими во время бакинской забастовки. В них развернута целая программа образовательной и культурно-просветительной работы, на которую рабочие толкали предпринимателей. Они требовали никому из детей рабочих не отказывать в образовании, сделать бесплатными обучение детей, учебные пособия и завтраки для учащихся, устроить для детей колонии. Для взрослых бакинцы требовали создать курсы грамоты, занятия на курсах и в школах вести на родном языке. Вместе с тем они требовали открыть ряд библиотек-читален, несколько районных народных домов, ассигновать средства на организацию при них народного университета. Все эти народные дома, народный университет, курсы, библиотеки-читальни рабочие требовали передать в ведение профессиональных союзов, им же в распоряжение передать и ассигнованные промышленниками суммы.

Громадное значение имели те культурно-просветительные общества и рабочие клубы, которые существовали в Петербурге, возникая еще в период спада революционной волны 1905 г. Под разными названиями — «обществ образования» или клубов — «Знание»,

«Просвещение», «Свет», «Наука» — они являлись центрами, где группировались рабочие и где активную работу вели социал-демократы; таким большевистским штабом было в Петербурге возникшее в 1911 г., «Общество имени Стасюлевича». Этот клуб впервые откликнулся на мысль о создании рабочей газеты, когда на новогодней вечеринке членов клуба был произведен первый денежный сбор в фонд газеты. Летом 1912 г. в Петербурге насчитывалось 8 культурно-просветительных обществ как в центре, так и в рабочих районах — на Васильевском острове, на Петербургской, на Выборгской стороне, за Московской и Невской заставами.

Полиция внимательно следила за этими клубами и поминутно ставила препятствия их работе. То она об'являла незаконным собрание правления клуба, то запрещала чтение той или иной лекции, то арестовывала кого-либо из активных клубных работников, то прикрывала самый клуб.

Эта работа выдвигала новые слои культурных рабочих и рабочих интеллигентов. Но на ряду со слоями, вовлеченными в клубную работу, оставались еще широкие массы, этой работой не затронутые, не осознавшие идеи классовой солидарности и классовой борьбы. Забота исключительно о личном благополучии, об устройстве собственной судьбы нередко давала знать о себе в рабочем быту. Бывали случаи, когда на фабриках процветали и шпионство, и доносы на товарищей.

О «позорном явлении рабочей жизни» в «Правде» рассказывал маленький фельетон «О подхалимстве», подписанный буквою «А». Автор приводил ряд случаев, когда рабочие подносили начальству «адреса» и «подделывались» под его нрав. Представители администрации, покидавшие службу на Охтенском пороховом заводе, получили от рабочих 4 подарка по 60—70 руб. каждый. В Старом арсенале в благодарность за введение сверхурочных работ представитель администрации получил от рабочих сторублевый подарок. На гвоздильном заводе мастер не брезгал подношениями по два фунта масла.

«Слишком мало сделано еще пролетариатом,— писала по этому поводу «Правда», — в смысле развития не только классового самосознания, но и сознания обычного человеческого достоинства».

Газета рекомендовала рабочим вести борьбу с лакейством при помощи крепких профессиональных союзов [1]).

Оторванность от товарищей, тяжелые условия жизни вызывали в рабочей среде еще одно печальное явление.

«Равнодушно проходим мимо таких ненормальных явлений, как самоубийство рабочих»,—писал член третьей Государственной думы, депутат московской губернии М. Захаров, в статье, посвященный этому вопросу.—«Для... завоевания великого будущего мы

---

[1]) А. «О подхалимстве» (№ 31 от 5 июня 1912 г.).

и должны беречь свои силы и жизни. Мы должны бороться всеми доступными для нас средствами с самоубийствами рабочих».

Таким средством борьбы могла быть только классовая сплоченность рабочих [1]).

---

[1]) М. Захаров. — Самоубийства рабочих (№ 2 от 24 апреля 1912 г.).

V. ЖЕНЩИНЫ-РАБОТНИЦЫ И ПОДРОСТКИ

Время от времени в «Правде» появлялись женские письма. Женская подпись в правдистских изданиях не всегда свидетельствовала о том, что автором присланного произведения была работница. Когда «Правда» как-то раз попросила зайти в редакцию «работницу Варю», чья подпись нередко стояла на присылаемых корреспонденциях, в редакционных комнатах появился бородатый мужчина. В 1914 г. в журнал «Работница» начала присылать свои стихотворения Груша Трусова. Через короткое время она оказалась... рабочим Григорием Трусовым. Это означало только одно: сознательных работниц было еще не так-то много, да и трудно было работнице браться за составление корреспонденции. Вот почему, скрываясь под женским именем, писали иногда мужчины, товарищи по работе, внимания которых не могло не привлечь к себе положение женщины на фабриках и заводах. А положение женщины здесь было куда тяжелее, чем положение рабочих мужчин. Автор одной из статей в «Правде», посвященной женщинам-работницам, говорил о «черной веренице» женских писем, получавшихся в редакции. Он был прав. Самые тяжелые стоны неслись

оттуда, где работали женщины. Самым бесправным было положение работниц. Самыми угнетенными на предприятиях были они.

Женщин - работниц было очень много, Они обслуживали целые отрасли труда. Прислуги, официантки швеи, табачницы, служащие учреждений, приказчицы, текстильщицы, работницы резиновых фабрик... В этих отраслях производства женский труд преобладал над мужским. В 1912 году на фабрике товарищества Российско-американской резиновой мануфактуры из 9.000 рабочих большинство составляли женщины. Попадались женщины и среди металлистов, деревообделочников, стекольщиков. Слишком обширна была область приложения женского труда, чтобы рабочая печать могла оставить ее без внимания.

Условия труда женщин - работниц были неизмеримо хуже условий труда мужчин. Рабочий день для женщины становился длиннее: к обязательному труду на предприятии прибавлялась необходимость домашней работы. Заработная плата работницы во всех профессиях была ниже мужской. Если девушка на сахарорафинадном заводе за 8-часовый труд получала полтинник, она могла считать себя счастливой.

В особенности же жестокой эксплоатации подвергались женщины в мастерских, принадлежавших мелким хозяевам. В Харькове, например, такие хозяйчики осенью набирали работниц в свои швейные мастерские. Соблазнившись перспективой работы на круглый год, мастерицы-швеи соглашались на пониженную

плату. Посреди зимы после рождественских праздников, когда кончался зимний сезон, хозяин об'являл своим мастерицам расчет. Никаких договоров, разумеется, не существовало. Наступала острая безработица. Но, распуская большую часть своих мастериц, хозяин все-таки должен был оставить нескольких. Конечно, он предлагал им еще более низкое вознаграждение, чем то, которое платил до сих пор. И женщины, стоявшие перед угрозой голода, соглашались остаться на предложенных им — еще худших условиях.

Еще тяжелее было положение женщин - официанток, служащих в разных ресторанах, кафе, портерных и пивных. Хозяева требовали, чтобы они были одеты чисто и даже изящно. В течение всего длинного рабочего дня они должны были оставаться любезными с посетителями. Так как эти предприятия работали и в праздники, то служащим полагался в месяц один выходной день. Правда, хозяева им давали еду, но жалованья не платили. Заработок таких официанток составляли «чаевые», оставлявшиеся посетителями. Эта нисколько не обеспечивающая работа толкала на улицу в проститутки.

В стенах фабрики и завода страдало зачастую и достоинство женщины, ее стыдливость. Высокая температура в некоторых производствах вынуждала мужчин работать совершенно голыми, хотя бок о бок с ними в том же помещении работали девушки. Жаловались женщины и на установившуюся практику

обысков при окончании работ. Из далекой Тюмени со спичечной фабрики какого-то Логинова неслась жалоба на то, что сторожа у фабричных ворот грубо обыскивают женщин, а «недотрог» еще ругают при этом площадной бранью.

На фабрике женщина чувствовала себя в положении зверя, которого травят. На прядильных фабриках Владимирской губернии и табельщики и подмастерья обращались к работницам с гнусными предложениями. С табачной фабрики товарищества «Лаферм» в Петербурге писали, что там

«...нередко делают гнусные предложения, и в большинстве случаев эти предложения принимаются из боязни не заработать на машине».

Это означало, что мастер подолгу мог не присылать слесаря для ремонта машины, и, таким образом, вместе с простоем машины сокращался заработок «лафермовской» табачницы. С фабрики обуви «Скороход» сообщали, что девушку здесь начинают преследовать, если она не захочет «погулять». После подобного предложения мастера у нее оставалось только два выхода — или согласиться, или уйти с фабрики. О Невском стеариновом заводе корреспондент «Правды» писал:

«Надо иметь особые преимущества и заслужить внимание приказчика; нужно согласиться на его предложение с'ездить с ним за город прогуляться или... просто «пожаловать на чердак», где у него приготовлено место».

Попадая в такую обстановку, преследуемая предложениями мастеров и приказчиков, женщина чувствовала себя беззащитной. Та же корреспонденция со стеаринового завода добавляла, что директор завода собственными глазами видел пресловутый «чердак», но тем не менее за всякие жалобы работниц на поползновения приказчиков «дает обыкновенно расчет».

Крайне тяжелым оказывалось положение женщины-матери. Девушка-работница, у которой рождался ребенок, вынуждена была бросать работу. Мать не имела возможности отдать своих детей в ясли. Фабричная работа стояла преградой на пути к материнству.

Тяжелое материальное положение, условия труда сплошь и рядом толкали работницу к занятию проституцией. На этой почве не редки тяжелые драмы, даже самоубийства.

Понемногу, однако, женщина-работница втягивалась в общественно-политическую жизнь. Женщины работали в культурно-просветительных обществах, женщины приучались читать газету, из их среды начинали выделяться рабкорки «Правды» и «Работницы», женщины принимали участие в тех сборах, которые проводились на создание «Работницы», женщины были участницами забастовок, а некоторые тесно связывались с партийными организациями.

23 февраля (8 марта) 1913 г. в России впервые сделана была попытка отметить женский день [1]).

[1]) За организацию Международного женского дня, целью которого являлась прежде всего агитация в пользу жен-

В этот день «Правда» отвела половину газеты материалу о Международном дне работницы. На следующий год в тот же день она выпустила специальный номер газеты, заполненный корреспонденциями самих работниц. В тот же день в 1914 г. вышел первый номер большевистского журнала «Работница». Номер ликвидаторской газеты также был посвящен женскому дню. Предполагалось 23 февраля провести в Петербурге ряд собраний, лекций и докладов. Полиция запретила их. Но агитация по проведению женского дня расшевелила массы петербургских работниц. В следующем номере «Путь правды» отмечал:

«То, что толкало сотни и тысячи женщин из-за застав, с окраин Петербурга к местам предполагавшихся собраний, это — сила жизни. Если женского дня не удалось осуществить в предположенной форме, то он все же осуществился в этих толпах, стремившихся на собрание, в том внимании, которое проявляли рабочие к этому дню, в той предварительной работе, которая даром не пропадет».

Женский день 1914 г. дал сильный толчок вовлечению работницы в движение.

После того не кажется удивительным, что в дни июльского под'ема того же года в Петербурге, когда арестованных сотрудников «Правды» вели по улицам и столкнувшаяся с арестованными у Чернышева моста

ского избирательного права, высказалась в 1910 г. вторая международная женская социалистическая конференция происходившая в Копенгагене (Дания).

группа демонстрантов-рабочих узнала, что перед ними «правдисты», то освобождать арестованных из рук полиции кинулись женщины-работницы.

Нужно ли было работникам «Правды» иное более убедительное доказательство того, что идеи «Правды» проникли в женские трудящиеся массы?!.

Такими же загнанными, забитыми, нещадно эксплоатируемыми являлись в рабочей среде подростки. Когда статьи и корреспонденции «Правды» называют их жизнь «настоящей пыткой», они не ошибаются.

Нам известно, как «охранял» закон продолжительность рабочего дня подростка. В действительности подросток, в особенности у мелких хозяев и в ремесленных мастерских, работал гораздо больше взрослых. Пресловутое «ученичество» было не только обучением подростков той или иной специальности, тому или иному ремеслу. Учениками пользовались и мастера и подмастерья, заставляя их бегать в лавочку, давая те или иные поручения.

Обращение с подростками порой граничило с издевательством. Побои, затрещины, тумаки сыпались на них. На этой каторге подростки получали гроши. Заработок ребят от 12 до 16 лет на коробочной фабрике составлял 25—45 копеек в день. Это была высокая оплата для Петербурга. В тамошних булочных и пекарнях мальчики зарабатывали от 3 до 8 рублей в месяц. Мальчики, работавшие на фальцовке в типографии «Петербургской газеты», в первый месяц работали бесплатно. Затем им полагалось

месячное жалованье от 3 до 5 руб. Условия жизни, в особенности у хозяев, были отвратительными. Антисанитарная обстановка хозяйских квартир, скудные хозяйские харчи, учение, сопровождаемое колотушками,— все это подрывало неокрепший детский организм. «Вечно хилые, бледные»— описывала подростков одна из статей «Правды». И изо всех посвященных им корреспонденций и отдельных строк на читателя глядят все те же «вечно хилые и бледные» юные образы...

VI. ЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РАБОТОЙ

На четвертой — последней — полосе «Правды», занятой все той же рабочей хроникой, попадаются редкие об'явления. Это не те об'явления, которыми обычно пестрели страницы буржуазных газет — не крикливые рекламы, не скромные предложения труда, не многоречивые извещения о смерти и погребении солидных буржуев, не балансы акционерных обществ, не длинная лента анонсов о сегодняшних спектаклях. Это короткие, деловые сообщения о предстоящих собраниях, сообщения от различных культурно-просветительных рабочих организаций и профессиональных обществ. Заглянем — в текст — на последнюю, предпоследнюю страницу, где, набранная петитом, разместилась хроника. Там, между строками, опять попадутся те же названия, которые мы только что встретили в об'явлениях. Проглядывая и то и другое, убеждаешься, как много все-таки их, профессиональных организаций, которые создал рабочий класс.

Попробуем перечислить только те, которые попадаются в газете, и то в десятке—другом номеров: общество рабочих по обработке дерева, общество чертежников, общество приказчиков-мануфактуристов, общество рабочих и работниц по обработке волокнистых

веществ Северного промышленного района, общество рабочих булочного и кондитерского производства, союз архитектурно-строительных рабочих, общество рабочих золото-серебряно-бронзового производства, общество рабочих портняжного дела, общество рабочих по металлу, общество рабочих по выделке кожи, общества трактирных служащих, конторщиков, картонажников...

Это только в одном Петербурге. Конечно, здесь профессиональных обществ было больше, чем в провинции, но пестрый список этих обществ свидетельствовал, что профессиональное движение уже охватывало широкие слои пролетариата.

В дни первой российской революции, в 1905 г., профессиональные организации сплотили в своих рядах рабочие массы. Царское правительство с разгромом революции поспешило ввести профессиональное движение в узкие рамки. Временные правила об обществах и союзах, изданные 4 марта 1906 г., разрешали создавать профессиональные организации, но лишали их боевого характера. Об'единения же профессиональных союзов этими правилами были воспрещены. Административное усмотрение делало существование профессиональных организаций крайне непрочным. Но даже в этих условиях профессиональное движение не замирает.

К созданию профессиональных обществ толкает жизнь. По ту сторону фронта борьбы труда с капиталом стоят враждебные предпринимательские союзы.

Со времени первой революции предприниматели особенно усиленно стали смыкать свои ряды, чтобы оказать отпор требованиям рабочих, а при благоприятном случае и самим перейти в наступление на рабочую массу. Общества фабрикантов и заводчиков начали возникать в крупных промышленных районах. Об'единялись предприниматели и по характеру производства. Их организации всегда в боевой готовности. Их действия носят характер боевых. В их арсенале есть не одно оружие для борьбы с рабочими. В их руках заведенные владельцами предприятий «черные списки». Рабочий, попавший в один из таких списков, может быть уверен, что его прегрешения перед капиталом будут известны на другом заводе и его уже никуда не примут. В руках предпринимательских союзов возможность обеспечить тому или другому предприятию помощь штрейкбрехеров. Предпринимательскому союзу легко договориться о локауте, закрыть сразу все заводы, выкинуть за ворота десятки, сотни тысяч трудящихся...

Для борьбы с организующимися предпринимателями нужны мощные профессиональные организации, сильные количеством членов, дисциплиной, связью с партией. Со страниц «Правды» все время раздается призыв к созданию профессиональных организаций.

«От города нам ждать нечего, просьбами и петициями нам не улучшить своего положения... Только сами рабочие, сплотившись в профессиональный союз и в другие организации, могут

улучшить свое положение»,—так говорит корреспонденция о трамвайных рабочих.

«Организации нет, и бороться с хозяевами трудно»,—пишут портные.

«Только вступление пролетариата прилавка на путь широкой борьбы за свои экономические и политические интересы даст нам возможность укрепить свои классовые организации, служащие базой в нашей борьбе с капиталом»,—пишут приказчики.

«У нас есть профессиональный союз! Не будем же откладывать в долгий ящик и пойдем туда, не тратя ни одного дня! Сплотимся в одну тесную, дружную семью и будем бороться с хозяевами за улучшение своего материального положения!» — восклицает корреспондент-конторщик.

«Правда», конечно, не ограничивается призывами к организации и к вступлению в профессиональные союзы. Она пользуется всяким случаем, чтобы раз'яснить читающим массам цели и задачи профессионального движения. Она растолковывает, почему, вопреки мнению ликвидаторов, профессиональный союз не может быть нейтральным. Наконец, она выступает в роли консультанта, в роли юриста, который об'ясняет, «как организовать профессиональный союз», раз'ясняя всю процедуру подачи заявлений о разрешении, технику созыва организационных собраний, обучая даже составлению «повесток дня».

Когда возникла «Правда», уже существовал ряд профессиональных союзов. Многие из них были

оплотом ликвидаторского движения. С того момента, когда, после агитации «Звезды», началась кампания за создание ежедневной рабочей антиликвидаторской газеты, в союзах почувствовался некоторый сдвиг. Первым ушел от ликвидаторов союз петербургских булочников. Затем начался постепенный отход от ликвидаторов и других профессиональных обществ[1]). Поворотным моментом было начало февраля 1912 г. Из 12 существовавших тогда в Петербурге профессиональных обществ 9 приняли на совместном собрании своих представителей такую резолюцию:

«Представители 9 профессиональных обществ приветствуют марксистскую рабочую газету «Звезда» в деле начинания и постановки ежедневной рабочей газеты, стоящей на классовой точке зрения и стремящейся к проведению в рабочие массы идей последовательного марксизма».

В то время в рабочих кругах прекрасно понимали, что на языке, предназначенном для того, чтобы обманывать царскую цензуру, выражение «последовательный марксизм» означало попросту — «большевизм». Таким образом, принятая резолюция знаменовала собой резкий переход активных элементов профессиональных обществ на сторону большевизма.

---

[1]) Ранее других от ликвидаторов отошли к большевикам вслед за булочниками деревообделочники, кожевники, портные, золотосеребреники, картонажники (см. статью Б. Иванова Наша «Правда» и ее основание—в сборнике «Путь правды», Тверь, 1923, стр. 59 — 68).

Для весны 1912 г. с ее развертывающимися событиями было характерно существование нелегального Центрального бюро петербургских профессиональных союзов. Меньшевиков-ликвидаторов здесь, конечно, и в помине не было. В подполье, хотя бы даже профессиональное, они не полезли бы. Вот почему сюда не входили представители металлистов и печатников, двух крупных профессиональных обществ, находившихся, однако, в то время под руководством ликвидаторов. Впрочем после выхода «Правды» металлисты изменили своим руководителям и сменили прежнее меньшевистское правление на новое. Всей своей деятельностью подпольное Центральное бюро показывало, что оно действует далеко не по программе ликвидаторов. Оно постаралось связаться с партиями революционного подполья, оно энергично агитировало за проведение весенних стачек.

Если с засилием ликвидаторов в профессиональном движении петербужцам удалось справиться скоро, то в провинциальных профессиональных обществах массы долго еще шли за ликвидаторами.

Это, конечно, отражалось и на работе этих обществ. Примером такого общества могло служить Харьковское профессиональное общество приказчиков, деятельность которого освещала большая корреспонденция в «Правде». Число членов в этом обществе за один 1911 год сократилось почти на 25%. Поступление членских взносов за тот же год упало на 33%. В вопросе об установлении длины рабочего дня в

торговых заведениях представители приказчиков голосовали за 11-часовой рабочий день, опасаясь, что буржуазная городская дума отклонить 10-часовой день. Обрисовав упадок общества, автор констатировал:

«Деятельность нынешнего профессионального общества приказчиков не удовлетворяет потребностям растущей демократии, что является одной из причин упадка общества. Задача демократической массы приказчиков — итти в это общество и толкать на путь борьбы за свои пролетарские интересы... До тех пор, пока мы будем проповедывать гармонию труда и капитала, пока мы не вступим на путь экономической борьбы за свои интересы, мы будем слабы, с нами не будут считаться и нас будут игнорировать».

В противоположность таким бездеятельным, сдающим свои пролетарские позиции союзам, существовали, конечно, союзы, широко разворачивавшие свою деятельность. В этом отношении интересно противопоставить работе Харьковского общества приказчиков работу, которая развертывалась в области профессионального движения среди петербургских приказчиков. Руководители движения, выделившиеся из той же приказчичьей массы, мечтали охватить эту массу в едином широком профессиональном союзе. Воспрепятствовала им в этом петербургская администрация, которая позволила организовать профессиональные общества только для приказчиков того или иного

вида торговых предприятий. Так, к профессиональному обществу приказчиков-мануфактуристов прибавились общество торговых служащих-хозяйственников, куда вошли приказчики посудных и железных магазинов, общество приказчиков-с'естников и, наконец, общество трактирных служащих. Эти общества при своем возникновении охватывали массу очень слабо. Из 30—40 тысяч приказчиков-хозяйственников (столько их насчитывали в Петербурге) в союз входило около 500—700 человек. Все эти союзы развивали в меру сил, имевшихся в их распоряжении, энергичную деятельность. На собраниях, в печати, в беседах приходилось вести агитацию о задачах и целях профессионального движения. Параллельно ставилась пропагандистская работа. С этой целью организовывались кружковые занятия, на которых разбирались вопросы профессионального движения или даже текущего момента. Слабее развертывалась культурно-просветительная работа. Но зато много сил шло на то, чтобы деятельность союза приобрела боевой характер, чтобы союз был подлинной организацией, отстаивающей пролетарские интересы. Широко развивалась работа по улаживанию конфликтов с хозяевами. Приходилось вести с ними переговоры, отстаивая те или иные требования, возбуждать судебные дела, когда пострадавшими являлись члены союза. Приходилось руководить и забастовочным движением.

Интересно отметить, что на отдельных предприятиях возникали организации, являвшиеся как бы

низовыми профессиональными органами, но в то же время как будто бы и не связанными с существовавшими профессиональными обществами. Так, в одном из номеров «Правды»[1]) можно найти сообщение о существовании в экспедиции заготовления государственных бумаг выборного органа — совета рабочих депутатов, который по словам корреспонденции «стал чуть ли не административным учреждением».

В своей работе профессиональным обществам приходилось сталкиваться с теми организациями, которые, втягивая в свои ряды часть пролетариата, находились под сильным влиянием предпринимателей. Такими организациями были всякого рода «кассы взаимопомощи» и «похоронные кассы». Участие в них принимали хозяева, оказывавшие этим организациям материальную помощь, а также высшая администрация предприятий. Вступая в эти организации, пролетариат шел на поводу у хозяев и проникался вредными иллюзиями о гармонии хозяйских и рабочих интересов. Разрушить подобные иллюзии, пробудить в отсталых членах этих организаций классовую сознательность было очередной задачей работников профессиональных обществ. Им и приходилось вести с подобного рода организациями борьбу.

Профессиональное движение в предвоенные годы не могло развиваться быстро. На каждом шагу перед ним стояли административные препоны. Администрация

---

[1]) № 35 от 9 июня 1912 г.

не утверждала тех или иных уставов, отказывала в разрешении тому или иному обществу, не допускала образования руководящих профессиональных центров, наконец, тормозила легальную деятельность существовавших обществ.

«Собрание не состоится по независящим от общества обстоятельствам».

Такие об'явления не раз можно было встретить на страницах «Правды». Это означало, что устроители собрания с самого начала потерпели неудачу. Но, даже открыв собрание, они не могли быть уверены в его благополучном исходе. Опыт столкновений с полицейским чином на собраниях говорил, что все сколько-нибудь сомнительные «колючие» вопросы приходилось ставить в конец повестки дня. Это было безопаснее. Если в конце заседания поднимется с своего места присутствующий по закону на собрании полицейский чин и закроет собрание, то хотя остальные вопросы-то разрешены!

Страдали не только отдельные собрания, но и целые с'езды. В 1913 г. в Москве происходил четвертый Всероссийский с'езд торговых служащих. Левое крыло с'езда, состоявшее из представителей профессиональных союзов, социал-демократов, столкнулось с кадетским и ликвидаторским крылом, а главное,— с полицией. Полиция запрещала ораторам называть группу, от имени которой они выступали, социал-демократической. Тогда ораторы стали высказываться от имени «классовой» группы,— последовало второе

запрещение. Когда же выступление было названо выступлением «марксистской» группы, полиция вмешалась в третий раз. С'езду было дано первое предостережение, после чего полиция закрыла общее собрание с'езда. Моментально открылось заседание одной из секций, но и оно тотчас же было закрыто полицией за речь председательствующего. После этого последовало закрытие с'езда по распоряжению министра внутренних дел. А в дальнейшем была арестована группа руководителей левого крыла.

Закрывались с'езды, погибали профессиональные общества. Эта работа царской администрации по распылению пролетариата оказывала существенную поддержку промышленникам-капиталистам, но она все-таки не избавила их от тех выступлений, которые предпринимал рабочий класс, находивший возможность организовывать их даже в тех тяжелых условиях, в которые он был поставлен.

VII. СТРАХОВАЯ КАМПАНИЯ

1912—1914 гг. были одновременно годами борьбы рабочего класса с правительством и с капиталистами, борьбы, развернувшейся на почве применения в рабочей жизни новых царских законов.

Могучий под'ем рабочего движения весной 1912 г. вынудил царское правительство поспешить с подачкой пролетариату. Из архива вытащили завалявшийся там проект закона о страховании рабочих. 23 июня 1912 г. появился этот закон о страховании рабочих от болезни и несчастных случаев.

До тех пор интересы рабочих в этой области, по мнению царского правительства, должен был обеспечивать закон 2 июня 1903 г. Этот закон имел в виду вознаграждение предпринимателями рабочих, потерпевших от несчастных случаев в производстве. По закону 1903 г., владельцы предприятий должны были выдавать потерпевшим пособие (до восстановления трудоспособности) или пенсии (при утере трудоспособности), а также возмещать расходы на лечение. Пенсии (или единовременное вознаграждение) предприниматели выплачивали также родственникам потерпевшего, в случае его смерти. Закон, однако, далеко не обеспечивал для рабочих необходимость

уплаты со стороны предпринимателей. Владелец предприятия, например, освобождался от материальной ответственности, если мог доказать, что несчастный случай произошел по «неосторожности» или по «умыслу» потерпевшего. Никакой ответственности он также не нес за профессиональные заболевания на предприятии. Утверждение соглашений между предпринимателями и пострадавшими о размерах вознаграждения было передано в руки чиновников фабричной инспекции. Узость и недостатки существовавшего закона требовали пополнения фабричного законодательства.

Вопрос о страховании имел громадное значение для рабочего класса. Существование страхового закона обеспечивало бы рабочего, внушало бы ему уверенность в том, что при наступлении инвалидности, старости, в случае болезни он не остался бы лишенным помощи, если бы хозяйский произвол даже и выкинул его с фабрики. Однако, то, что предлагал рабочему новый царский закон, только по названию напоминало о страховании трудящихся, фактически же не обещало принести им какую-нибудь пользу.

Прежде всего новый страховой закон говорил только о страховании от болезни и от увечий. На случай безработицы, от которой так страдал русский рабочий, этот закон ничем не обеспечивал его. Ничем закон не гарантировал его и на случай инвалидности, а также старости.

Под действие нового закона подпадала далеко не вся рабочая масса. Закон говорил только о страховании

рабочих крупных промышленных предприятий. Страхование не распространялось при этом ни на рабочих казенных предприятий, ни на железнодорожников, ни на рабочих, занятых в сельском хозяйстве, ни на прислугу. Да и не все местности России подходили под действие закона: в Сибири, например, страхование не вводилось. По подсчетам министерства торговли и промышленности, страховой закон должен был охватить от $2^1/_2$ до 3 млн. рабочих. Между тем, даже по устаревшим для того времени данным, количество лиц, занятых наемным трудом, составляло в стране не менее 13 млн. Таким образом, закон мог бы принести пользу только одной пятой части всех лиц, продававших свой труд.

Своей тяжестью, по закону, страхование ложилось на плечи самих страхуемых. Страховые взносы должны были делаться, главным образом, рабочими. С рабочих собирались удерживать 2% получаемого ими вознаграждения. Те же, кто должен был бы нести на себе главную тяжесть страховых взносов — предприниматели — почти не облагались. Закон обязывал их вносить только $^2/_3$ той суммы, которая отчислялась с рабочих их предприятий.

Ни в каком случае не могла удовлетворить рабочих и та денежная помощь, которую собирался оказывать им закон. Пособие должно было выплачиваться лишь в течение 4 месяцев. При этом семейный рабочий мог получать его в размере от $^1/_2$ до $^3/_4$ своего

жалованья, холостой и того меньше—в размере от $^1/_4$ до $^1/_2$ жалованья.

Управление делами проектируемых больничных касс закон передавал не в руки рабочих, а в руки чиновников и предпринимателей. В больничных кассах $^2/_3$ голосов принадлежало предпринимателям. В губернских присутствиях по делам страхования членами являлись чиновники, представители буржуазного земства, буржуазных городских дум, представители фабрикантов и заводчиков и только двое рабочих. Другими словами, в губернском присутствии представители рабочих составляли только $^1/_7$ часть всех членов присутствия. Еще скромнее было рабочее представительство в Страховом совете, центральном органе по делам страхования, где рабочие составляли только $^1/_5$ всех членов совета.

Наконец, закон не допускал никокого об'единения отдельных больничных касс. Деятельность их в области страхования должна была оставаться распыленной.

Такой закон, издавая который правительство делало вид, что идет навстречу интересам рабочего класса, закон, который оставлял управление страховым делом в предпринимательских и чиновничьих руках, был жалкой попыткой успокоить движение пролетариата. Закон одобрительно встретили промышленники, выражавшие теперь надежду, что он «вырвет жало у социал-демократии». Но этот закон не мог не встретить недовольства со стороны рабочих.

Как ни был плох закон, но использовать его было нужно, так как предусмотренное им страхование проводилось бы принудительно. Закон давал возможность рабочему классу закрепиться на новых легальных позициях, их следовало использовать в интересах пролетариата, а не в интересах предпринимателей. С осени 1912 г. поэтому развертывается среди рабочих большая кампания за овладение страховым делом.

Во главе этой страховой кампании идут большевики, в частности «Правда». Когда депутат костромских рабочих в четвертой Думе, большевик Н. Р. Шагов, писал в письме, адресованном своим избирателям:

«Убедительно вам посоветую, товарищи, читайте ежедневно рабочую газету «Правду». Она ведет специальный отдел по страхованию, и, следя за ним, вы гораздо легче разберетесь во всех возникающих вопросах»,

— он подчеркивал ту громадную работу, которую проделывала сперва «Правда», а с октября 1913 г. начал делать специально предпринятый по мысли депутатов-большевиков журнал «Вопросы страхования». В «Правде» ежедневно уделялось место «страховому отделу». Здесь печатались и статьи, раз'ясняющие вопросы страхования рабочих, здесь печатались и известия о том, как на местах проводился новый

закон. «Правда» не отделяла страхового дела от политической борьбы.

«В страховое дело, — говорила газета в октябре 1913 г.,—рабочие должны внести свою рабочую политику, каждый шаг в страховой политике они должны оценить с точки зрения своих общих политических интересов. Только при этом условии они смогут хоть чего-нибудь добиться для себя от страхования».

Это утверждение стояло в тесной связи с тем, что говорила резолюция совещания Центрального комитета партии с партийными работниками:

«Всю агитацию по поводу введения страхования необходимо вести в тесной связи с освещением всего положения вещей в царской России, раз'ясняя наши социалистические принципы и революционные требования».

В предпринятой ими страховой кампании большевики прежде всего развернули свою рабочую страховую программу. Это была широкая программа максимальных требований, которые партия выдвигала в области страхового дела.

К новому закону, к движению, охватившему массы в связи с его изданием, не могли остаться равнодушны меньшевики-ликвидаторы. Они заняли определенную

позицию в вопросах страхования. Эта позиция коренным образом отличалась от позиции большевиков.

Большевики и ликвидаторы вступили между собой в борьбу, и рабочему классу еще раз пришлось делать выбор между большевистской и ликвидаторской программами.

Рассматривая страховое движение, как часть общего рабочего движения, большевики придавали ему политический характер. Против этого прежде всего и возражали ликвидаторы, стремясь отгородиться от политики. Развертывая свою программу, большевики считали необходимым, чтобы единый страховой закон охватывал решительно всех трудящихся и предусматривал страхование во всех случаях потери трудоспособности. Страховые взносы, по мнению большевиков, должны были быть переложены на предпринимателей, со стороны же рабочих могла бы иметь место только «добровольная» уплата взносов. Выдача пособий, по программе большевиков, должна была бы производиться в размере полного заработка. Большевики настаивали на том, чтобы хозяева совершенно отказались от участия в управлении делами больничных касс. Наконец, они требовали создания общегородских больничных касс.

Ликвидаторы, конечно, признавали недостатки изданного закона, но они ограничивались лишь тем, что требовали внесения в него частичных улучшений. В частности, они не рисковали ввязываться в борьбу с хозяевами и фактически вели политику защиты

предпринимательских интересов, возражая против полного отстранения хозяев от управления кассами и не считая возможным перекладывать тяжесть страховых взносов на карман предпринимателя в большей степени, чем это допускал царский закон.

Рабочие массы сделали свой выбор. Они пошли за большевиками.

Борьба с ликвидаторами по страховым вопросам, сопровождавшаяся попыткой ликвидаторов сорвать издание большевистского страхового журнала, все же отходила на второе место перед той борьбой, которую приходилось вести с царской администрацией за завоевание больничных касс. Эта борьба, начавшаяся осенью 1912 г., тянувшаяся почти до начала империалистической войны, изобиловала многочисленными столкновениями между обеими сторонами.

Бой завязался в сентябре 1912 г., когда на с'езде фабричных инспекторов поставлен был на обсуждение устав больничных касс. На с'езд были допущены представители промышленников. Попытки же представителей рабочих проникнуть на с'езд встретили отпор.

Широко развернулась борьба, когда нужно было ознакомить рабочие массы с содержанием нового закона. Со стороны полиции и администрации фабрик и заводов ставились всевозможные препятствия. Старались не допускать к рабочим тех докладчиков, которые должны были выступать с раз'яснениями нового закона. На Путиловском заводе директор

ни за что не хотел видеть в качестве докладчика петербургского депутата Бадаева и все навязывал для доклада одного из крупных петербургских чиновников. На заводе «Вестингауз» администрация разрешала выступить с докладом только фабричному инспектору или, на худой конец, одному из своих же рабочих. Ряд собраний не был разрешен полицией. Социал-демократическая фракция внесла по этому поводу запрос в Думу. Запрос нашел отклик у рабочих Петербурга, которые провели однодневную забастовку протеста, первую в ряду «страховых» забастовок.

Правительство попыталось обеспечить себе соответствующий подбор рабочих представителей в губернских страховых присутствиях и в Страховом совете, где и без того рабочее представительство было ничтожно. С этой целью правительство стало этих представителей назначать. Рабочие массы резко протестовали. Уступая этому протесту, «назначенные» представители поотказывались от выполнения возложенных на них обязанностей, но некоторые из них в дальнейшем все-таки не выдержали и выразили свое согласие на представительство: решающее значение имела при этом оплата заседания пятью рублями.

Большие столкновения вызвало обсуждение устава больничных касс и проводившиеся выборы уполномоченных. Правительство пыталось сделать выборы «немыми», как их назвали. Оно предполагало ограничиться раздачей избирательных бюллетеней и сорвать все предварительные собрания, всю избирательную

кампанию. Рабочие на это не пошли. В Петербурге возникла комиссия уполномоченных от предприятий, которая и занялась вопросом об об'единении больничных касс, об об'единении работы уполномоченных и о подготовке всероссийского рабочего страхового с'езда. Были выработаны принципы устава больничных касс. Раздробить рабочую массу, провести выборы разрозненно по отдельным предприятиям, провести их в известной постепенности — правительству не удалось. В Петербурге и в Варшаве рабочие образовали собственные центры — страховые комиссии, которые и выставили свой рабочий устав, большевистскую страховую программу. Завязалась борьба рабочих с предпринимателями. В этой борьбе рабочие отстаивали признание за ними права полного самоуправления в больничных кассах, передачу в их руки дела медицинской помощи, организации общегородских и общерайонных касс. Ряд рабочих поправок к уставу в жизнь, конечно, не прошел. Эта борьба вокруг устава сопровождалась рядом полицейских репрессий. Производились аресты уполномоченных рабочих касс, членов правлений. Начались высылки. Картина этой борьбы была одинакова и в Петербурге, и в провинции. Социал-демократическая фракция внесла в Думу новый запрос. А по стране перекатилась волна «страховых» стачек.

Полицейские репрессии снова посыпались на рабочий класс при выборах Страхового совета и страховых присутствий в конце 1913 г. Это привело к

отказу уполномоченных от участия в выборах. Только в марте 1914 г. правительству не без новых нажимов удалось провести эти выборы, которые неожиданно для него все-таки дали большевиков в качестве рабочих представителей.

Большевистские лозунги в страховом деле не стали действительностью. Но борьба за них воспитала массы.

VIII. НА ПУТЯХ РАБОЧЕЙ КООПЕРАЦИИ

В стороне от широкой дороги рабочего движения затерялась в те годы узкая тропа. По большой дороге шли бесконечные колонны стачечников... Развевались красные знамена над отрядами участников политической борьбы... Тропинкой брели немногочисленные кучки рабочих, тех немногих рабочих, которые вкладывали свои силы в строительство рабочих кооперативов.

Особые причины обусловили собою развитие рабочей кооперации. Первая русская революция была разгромлена. И разочарованные в политической борьбе, подкошенные ее неудачами, страдавшие от дороговизны жизни, отходя от политических и профессиональных организаций, стремились туда, где, казалось, легче можно исправлять гнет жизни. Заработной платы рабочему нехватало на жизнь. Частный торговец, фабричная лавка держали его в кабале. Слушая проповедь мелкобуржуазных апостолов кооперации, казалось таким простым начать борьбу за облегчение условий жизни. Кто только не пытался занять кооперативные позиции. На них стремились закрепиться меньшевики, приходили сюда социалисты-революционеры, сюда же бросались анархо-синдикалисты искать

удачи и новых сторонников. Для ликвидаторов с их стремлением в жертву каждой легальной позиции принести революционное подполье — кооперация представляла много соблазнов. Большевики не отрицали полезность кооперативных обществ для рабочего класса, но напоминали, что кооперация никогда не будет в состоянии преобразовать капиталистическое общество.

Рабочие в годы реакции имели кооперативы двух видов: зависимые и независимые. Зависимая — железнодорожная (наиболее в то время развитая) и фабрично-заводская кооперация — сложилась уже давно. Фабричные кооперативы всецело зависели от хозяев, от фабричной администраций, и зачастую эксплоатировали рабочих. Рабочие повели борьбу за то, чтобы высвободить фабрично-заводские кооперативы из-под влияния администрации. Хозяева и их слуги ни за что не хотели выпускать эти кооперативы из своих рук. Характерна борьба, завязавшаяся вокруг кооператива в Москве на крупной резиновой фабрике «Богатырь» в 1913 г. Рабочие «Богатыря» задумали создать независимый рабочий кооператив. Администрация всполошилась: такая самостоятельность была ей совсем не по душе. Она настойчиво предлагала организовать кооператив при заводе, соблазняла рабочих суммой в 20—30 тысяч руб. на поддержку кооператива. Рабочие остались верны своей идее и не дали подкупить себя. В этой борьбе за орабочение фабрично-заводской кооперации приходилось итти

различными путями. В 1912 г. кооператив при Юзовском заводе перешел в руки рабочих — выборы чисто рабочего по составу правления были одною из тех побед, каких можно было добиться в этой борьбе. Под напором рабочих иногда приходилось менять устав кооператива и расширять замкнутый прежде состав его, допуская в число членов сторонних лиц. Ожесточенную борьбу вели рабочие против той формы кредитования кооператива, которая закабаляла рабочего. Наконец, развертывание кооперативом культурно-просветительной работы также могло послужить средством к тому, чтобы сбросить гнет фабричной администрации.

Независимая рабочая кооперация — самостоятельно возникавшие рабочие кооперативы — не имела за собою большого прошлого. Она начала свой путь развития с 1905 г. К 1912 г. она уже обосновалась в Петербурге, в Москве и в некоторых промышленных пунктах провинции. В Петербурге в начале 1912 г. существовало 9 рабочих потребительских обществ. Выборгский район, Васильевский остров, Петербургская сторона, Коломна — все они, например, имели свои кооперативы под несколько обещающими названиями «Экономия», «Грош», «Польза». В Москве в 1912 г. было 10 таких же рабочих обществ, в 1913 г.—11. Однако, московские общества были менее устойчивы, чем петербургские. Три из них погибли в начале 1914 г., не справившись с развернутыми ими операциями. Рабочие потребительские общества тут и там

были разбросаны по провинции. В Московском промышленном районе существовали такие общества в Иваново-Вознесенске, в Меленках (Владимирской губ.), в Твери, на юге — в Николаеве и в Харькове. Харьковское общество, как и московские, не выжило и в 1913 г. должно было ликвидироваться. Существовало общество даже на Кавказе, на Грозненских нефтяных промыслах, причем это общество имело свои отделения в окрестностях.

К 1912 г. по России насчитывалось около сотни рабочих кооперативных обществ. Они об'единяли не менее 50.000 членов, в то время как в городских и сельских обществах количество членов исчислялось от 150.000 до 200.000. В независимых петербургских кооперативах в начале 1914 г. по 9 обществам насчитывалось 2.077 членов. Приток их был очень медленным, и к началу войны петербургские кооперативы об'единяли всего $^1/_{20}$% рабочего населения Петербурга. Московские независимые рабочие кооперативы по числу своих членов стояли впереди петербургских. В составе этих обществ нельзя было найти передовые элементы рабочего класса. Сюда входил рабочий-середняк. Женщины втягивались в кооперативное движение крайне слабо. На две с небольшим тысячи членов петербургских рабочих независимых кооперативов было всего 65 женщин. Вместе с тем в 6 обществах из 9 преобладающую роль играли металлисты. Кроме них, в общества входили текстильщики, трамвайщики, транспортники.

Оборот каждого независимого рабочего кооператива не превышал 300.000 руб. в год. Между тем $^1/_4$ фабрично-заводских кооперативов и $^1/_2$ железно-дорожных имели оборот, превышающий эту цифру.

Учиться торговать в предвоенные годы для рабочих было очень трудно. Ряд независимых кооперативов за эти годы погиб от неумелого ведения дела. Сами кооперативы страдали от задолженности поставщикам. Увеличилась и задолженность их собственных заборщиков. Повсюду, за исключением двух петербургских обществ, продажа шла в кредит.

Гибли одни, но зато другие рабочие кооперативы увеличивали свои обороты и даже (как тверской и иваново-вознесенский) строили собственные дома. Понемногу рабочая кооперация начинала укреплять свою экономическую базу.

Деятельность рабочей кооперации в предвоенные годы далеко не имела того размаха, какой она получила впоследствии в годы войны. Собственное производство рабочие кооперативы заводили в редких случаях. Культурно-просветительная работа являлась их слабым местом, и расходы на нее были незначительны. Большую трудность для рабочей кооперации составляла борьба с частной торговлей. Развернуть эту борьбу препятствовал крайний недостаток средств. Попытки найти их влекли за собой задолженность, которая иногда и губила кооператив.

Частный торговец имел к тому же меньше накладных расходов.

Несмотря на те незначительные результаты, которых удалось добиться кооперативному рабочему движению накануне империалистической войны, кооперация в это время была школой для подготовки опытных рабочих кооператоров.

В отдельных случаях под вывескою рабочих кооперативов было возможно развертывать деятельность профессиональных и политических организаций. Об особых же классовых задачах рабочей кооперации заявляла на втором Всероссийском кооперативном с'езде, происходившем в Киеве в августе 1913 г., рабочая группа, по крайней мере, ее социал-демократическое крыло. Это заявление делегации потребительских кооперативов рабочих и служащих не допустили огласить на с'езде, и оно появилось в «Северной правде» [1]). Заявление

> «...отрицает за своевременной кооперацией значение института нового социального строя, а за элементами, составляющими современное кооперативное движение, — значение единого класса».

В этих словах нашли отражение споры большевиков и меньшевиков о месте кооперации в рабочем движении. Меньшевики попрежнему продолжали

---

[1]) 1913 г., № 10 от 13 августа.

смотреть на кооперацию, как на «третью ветвь» движения на ряду с политическим и профессиональным. Большевики со своей стороны отрицали за кооперативами роль организаций, ведущих классовую борьбу.

Действительно, не здесь, не по путям рабочей кооперации пролегала дорога к освобождению пролетариата.

IX. В СТАЧЕЧНЫХ БОЯХ

Положение рабочего класса, эксплоатируемого хозяевами-фабрикантами, угнетаемого царским правительством, составляло основную причину рабочих волнений. В своих выступлениях в царской России рабочие часто прибегали к стачке, как форме пролетарской борьбы. 1905 г. — год первой русской революции, — благодаря огромному под'ему стачечного движения, стал для рабочего класса памятной школой. В 1905 г. российский пролетариат показал своим западно-европейским товарищам пример того, как надо проводить всеобщую стачку. В последующие годы размах стачечного движения временами сокращался, значительно падал. Но существовавшие капиталистический и правительственный гнет не уничтожали тех причин, которые бросали российский пролетариат в стачечную борьбу. Таких причин и в годы реакции всегда находилось больше чем достаточно. И они все чаще вызывали забастовки. Рост стачечного движения в эти годы с несомненностью говорил о возраставшей сознательности российского пролетариата.

Годы реакции придушили стачечное движение. Уже за первое трехлетие (1906—1908 гг.), последовавшее

непосредственно за революцией, количество стачечников и число стачек упали по сравнению с одним 1905 г. (в это трехлетие в стране разыгралось 3.526 стачек, в которых приняло участие 674.860 рабочих). Последующее же трехлетие (1909—1911 гг). было временем резкого падения стачечного движения. За все это трехлетие было проведено лишь 342 стачки при 71.967 участниках. При этом только 8% всех стачек приходилось на долю политических забастовок. В них принимало участие 9,5% общего количества всех стачечников.

Толчком к под'ему стачечного движения в 1912 г. послужили ленские события. Начав подниматься в апреле, волна стачек выросла и расширилась в мае месяце. Во главе стачечного движения шел Петербург. Но не отстали от него и рабочие других промышленных центров, достаточно закаленные стачечной борьбой. Стачки 1912 г. сразу же обнаружили свой наступательный характер. Одновременно они свидетельствовали и об единодушии рабочей массы. Рабочие поднимались дружно, без участия профессиональных союзов, дружно проводили свои забастовки.

Под'ем стачечного движения заставлял «Правду» не только относиться к нему крайне внимательно, но и придавать ему огромное значение. Отдел «Стачки» «Правда» сделала на своих страницах обязательным. Обслуживался этот отдел чрезвычайно полно. О каждой возникавшей стачке рабочие непременно писали в «Правду». Появление стачечных

корреспонденций еще более сплачивало фабрично-заводскую массу вокруг требований, выставлявшихся бастовавшими. За первый же год «Правда» поместила 1925 корреспонденций о петербургских стачках, 109 — о стачках на юге, 92 — о стачках Центрального района, 73 — о Прибалтийском крае, 49 — с Кавказа, из Поволжья и Польши, 43 — о стачках на Урале и в Сибири, 41 — из западных губерний, 33 — о стачках в Северном районе, 6 — на Дальнем Востоке. Всего же в газете за первый год было напечатано 2.371 стачечных корреспонденций.

Само по себе это количество говорит о размахе стачечного движения, которое с каждым последующим годом возростало. Рост стачек в 1912—1914 гг. виден из следующих цифр: в 1912 г. по данным фабричной инспекции произошло 2.032 стачки, в которых участвовало 725.491 человек. Другие данные — общества фабрикантов и заводчиков — увеличивали приведенную цифру участников до 1.062.770 человек. Сравнивая стачечное движение 1912 г. с движением предшествовавших лет, В. И. Ленин имел полное основание сказать:

«Общенародный размах движения в данный момент, конечно, гораздо слабее 1905 г. Следовательно, начало революционного под'ема неизмеримо выше теперь, чем было перед первой революцией».

В 1913 г., по данным фабричной инспекции, число стачек поднялось до 2.142, а число стачечников достигло 860.000.

Те же данные фабричной инспекции для 1914 г. давали цифру в 3.534 стачки, в которых участвовало 1.337.580 рабочих.

Такова официальная статистика стачечного движения за трехлетний промежуток времени, охватывавший как годы, непосредственно предшествовавшие войне, так и первые пять месяцев войны. По замечанию В. И. Ленина в статье, помещенной им в июне 1912 г. в издававшемся за границей центральном органе партии «Социал-демократ»,

> «Ленский расстрел явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный, под'ем масс» [1]).

Интересно проследить, как одни стачки сменялись другими, свидетельствуя об этом под'еме. Стачки протеста против ленского расстрела, всколыхнувшие весь рабочий класс, слились с первомайскими стачками. В тех и других приняло участие около 570.000 рабочих. Первомайские стачки сменились новой стачечной волной, явившейся ответом рабочих на наступление, которое в 1912 г. повели против них капиталисты. Владельцы фабрик и заводов начали штрафовать своих рабочих за первомайский «прогул». В ряде предприятий на рабочих был наложен рублевый штраф. В ответ рабочие начали стачку, требуя отмены этого штрафа и включения дня 1-го мая в число праздничных дней. В Петербурге на

[1]) Революционный под'ем. (Н. Ленин, собр. соч. т. XII, ч. I, стр. 185).

заводе «Сименс и Гальске» эта забастовка 1.200 рабочих затянулась, благодаря упорству администрации, на 15 недель. В том же 1912 г. рабочие начали стачку, протестуя против жестокого приговора над восставшими матросами. Из отдельных стачек характерна в том же году стачка 12.000 путиловских рабочих, вызванная отсутствием гигиенических условий работы в пушечной мастерской завода. Стачка была окончена в один день, так как заводская администрация пошла на удовлетворение требований. Одной из крупных была также стачка рабочих петербургских трамвайных парков.

В 1913 г. прошел ряд крупных и стойко проведенных стачек. Мы уже знаем о стачке лесснеровцев, отличавшейся большим упорством: «Старый Лесснер» бастовал 67 дней, «Новый Лесснер» продержался 102 дня. В том же 1913 г. прошли «избирательная стачка», стачка, связанная с открытием четвертой Государственной думы, «страховая стачка». В том же году бастовало 50.000 лодзинских ткачей, 22.000 варшавских сапожников, в сентябре в Москве дружно была проведена трамвайная забастовка, поддержанная другими предприятиями. За один этот год на Обуховском сталелитейном заводе в Петербурге, где работало 5.000 человек, забастовка проводилась три раза. Бастовали бакинские нефтепромышленные рабочие. Наладилась и стачка приказчиков сибирской фирмы Второва, магазины которой были раскиданы по всей Сибири.

1914 г. был начат, как и предыдущий, стачкой в день 9 января. В марте стачка протеста, вызванная отравлениями на петербургских фабриках, охватила 280.000 человек. В апреле 132.000 участников выразили стачкой свой протест против изгнания социал-демократических депутатов из Государственной думы. Репрессии правительства против левой печати вызвали на стачку 223.000 рабочих. Первомайская забастовка сменилась в мае забастовкой протеста против суда над обуховскими рабочими, привлекшей к участию 96.000 человек. В мае началась бакинская стачка, в которой участвовало около 50.000 рабочих. 150.000 петербургских рабочих поддержали бакинцев в июле месяце. В том же году бастовало 60.000 текстильщиков Московского района, бастовали печатники, 10.000 рабочих на Петровском заводе Русско-бельгийского металлургического общества в Екатеринославской губернии, 5.000 рабочих Лысьевского завода на Урале.

Стачечное движение все в большей и большей степени проникалось политическими мотивами. В 1912 г. 1.300 стачек с 549.813 участниками были стачками политическими. В 1913 г. политический характер носили 961 стачка с 500.000 участниками. В 1914 г. количество политических стачек достигло 2.565, причем в них участвовало свыше 1 миллиона человек. В процентах к общему числу количество участников политических стачек составляло: в 1912 г.—75,8%, в 1913 г. — 56,6%, в 1914 г. — 79,2%. По числу же

стачек в 1914 г. приходилось на долю политических 67% общего числа всех стачек.

Из отдельных стачек особенно характерен для политических стачек рост первомайских забастовок. В годы реакции они сошли на-нет и снова начались с под'емом рабочего движения после ленского расстрела. В 1912 г. уже в одном Петербурге бастовало 210.000 человек. Манифестанты заполнили Невский проспект, а на Каменноостровском проспекте произошли столкновения с полицией. В 1913 г. число стачечников в день 1-го мая в Петербурге поднялось до 250.000 чел., а по всей России достигло цифры в 420.000 чел. Снова происходили демонстрации, и снова фабриканты штрафовали рабочих за «прогульный» день. В 1914 г. число участников первомайской стачки поднялось в Петербурге еще выше — до 280.000 чел., в Москве оно достигло 50.000 чел., в Харькове — 15.000 чел. а всего, по подсчетам «Правды», выразилось в цифре 504.190 чел.

Политическая стачка в годовщину 9-го января в 1913 г. привлекла 150.000 участников, в 1914 г. общее число участников ее, по подсчетам «Правды», составляло 300.000 человек. Из этого числа 140.000 бастующих приходилось на Петербург.

В годовщину ленских событий в 1913 г. забастовки охватили 135.000 рабочих.

Те политические требования, которые пролетариат выставлял перед империалистической войной, были лозунгами Пражской конференции. Это — требования

Учредительного собрания, 8-часового рабочего дня и конфискации всех помещичьих земель.

Преобладание политических стачек пугало классовых врагов пролетариата. «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района» возмущенно писали в 1914 г.:

«Политические стачки превращаются в политическую систему, дезорганизующую ход промышленной жизни».

Меньшевики со своей стороны бросали рабочим массам упрек в «стачечном азарте», подчеркивали «стихийность» стачечного движения, возникавшего без подготовки со стороны профессиональных союзов. Вместе с тем меньшевики-ликвидаторы ожесточенно нападали на ту характерную черту стачечного движения, которую В. И. Ленин определил как «сочетание экономической и политической стачки». Меньшевиков выводило из себя это сочетание экономики с политикой и они громко кричали о том, что принципиальный характер политического протеста «стушевался» и был осложнен экономическими требованиями. Такое смешение казалось меньшевикам вредным для успеха экономической и политической борьбы.

«Неправда и тысячу раз неправда! — восклицал по этому поводу В. И. Ленин в «Невской звезде».— Неверно, что «переплетение» было бы ошибкой. Как раз, наоборот. Было бы непоправимой ошибкой, если бы рабочие не поняли всего своеобразия, всего

значения, всей необходимости, всей принципиальной важности именно такого «переплетения».

Это соединение экономической и политической стачки, этот всесторонний ее характер были необходимы, привлекали к движению новые массы, привлекали к нему общественное сочувствие и гарантировали ему успех и значение.

Во главе стачечного движения в 1912—1914 гг. стояли металлисты. Характерно также, что стачечным движением наиболее затронут был Петербургский район, где сосредоточивалась огромная армия металлистов. Из политических стачек 1914 г. $^2/_3$ падало на Петербургский район.

Бросается в глаза, как дружно в стачках предвоенных лет выступают рабочие. В ряде случаев при крупных стачках можно наблюдать яркие проявления классовой солидарности. Если стачка носит чисто местный характер, и рабочие других предприятий в нее не вовлекаются, то и тогда они охотно приходят на поддержку бастующим, оказывая им материальную помощь. Сборы по заводам в пользу бастующих товарищей — явление довольно частое. О высокой сознательности говорит и незначительное количество случаев насильственного снятия с работ. Во время бакинской стачки 1914 г., тянувшейся свыше месяца и вовлекшей около 50.000 рабочих, было всего 56 случаев насильственных действий. И те, главным образом, направлялись против штрейкбрехеров.

Штрейкбрехерство, к сожалению, наблюдалось не только в отдельных случаях, но иногда играло крайне пагубную роль — приводило к срыву стачки. Напомним уже знакомую нам историю забастовки лесснеровцев. Владельцы завода принимали все меры, чтобы обеспечить себе возможность дальнейшей работы при помощи штрейкбрехеров. Они не останавливались перед выплатой штрейкбрехерам повышенной заработной платы. Принимались меры к защите штрейкбрехеров от возможных якобы насилий бастующих. Во время летней забастовки 1912 г. у «Сименс и Гальске» в Петербурге на заводе было размещено 8 городовых, 2 — на посту, сверх того 10 нижних чинов утром и вечером охраняли штрейкбрехеров при входе и выходе их с завода. За каждого городового завод уплачивал 4 руб. в день. Разыскивая штрейкбрехеров, владельцы предприятий печатали в газетах об'явления о приеме на работу. Порой для этого указывались вымышленные адреса. «Правда» разоблачала такие несложные хитрости. Так была разоблачена подобная попытка прикрыться невинным на первый взгляд адресом во время забастовки лесснеровцев.

Корреспонденты с бастующих предприятий заканчивали иногда свои сообщения просьбой к товарищам воздержаться от приезда в их город. «Правда», например, напечатав краткое сообщение о типографской забастовке в Харькове, кончила, его призывом:

«Петербургские печатники и печатники других городов не должны ездить в Харьков. В газетах

появляются штрейкбрехерские об'явления. Не ездите в Харьков!»

Имена штрейкбрехеров опубликовывались в печати. Это производило сильнейшее впечатление, и в большинстве случаев воздействовало на штрейкбрехеров. Одни опровергали свою принадлежность к штрейкбрехерам:

«Не хочу, чтобы вы причисляли меня к этим отщепенцам»,— пишет в «Правду» наборщик. Другие, наоборот, винились:

«Товарищи, не отталкивайте же меня от себя, я признаю, что я виновен, но сделал это бессознательно, к тому же было много причин, которые толкнули меня на такой поступок. Товарищи! Дайте возможность мне, как товарищу, защитить свое право быть членом рабочей семьи; я надеюсь, что товарищи не откажут в моей просьбе. Назначьте товарищеский суд, и я подчинюсь его решению».

Эти «покаянные письма», дожидаясь своей очереди, чтобы появиться в печати, висели в редакции на стене на гвозде, составляя «штрейкбрехерский материал».

Очень часто, измученный ожиданием штрейкбрехер шел в «Правду». Со слезами молил поскорее напечатать его письмо:

— Поместите. Есть нечего... Поместите, так рабочие простят.

За таких кающихся часто заступалась К. Н. Самойлова, секретарь редакции с конца 1912 г. до 1914 г.

За эти заступничества товарищи по работе прозвали ее «штрейкбрехерской матушкой».

Забастовки вызывали ожесточенный отпор со стороны хозяев. Ряд забастовок, связанных с пред'явлением тех или иных требований, кончался поражением рабочих. Политические забастовки вызывали хозяев хотя бы на попытки не оплачивать дней забастовки. Если не удавалось сорвать забастовку штрейкбрехерами, то хозяева не останавливались перед об'явлением локаута.

На помощь им приходила власть. В дни забастовок производились многочисленные обыски среди бастующих и аресты. За призывы к забастовке рабочих штрафовали, конечно, в непосильном для них размере (например, в Петербурге на сто рублей каждого) с заменою арестом на месяц, или же подвергали прямо аресту на несколько месяцев.

Не легко было проводить забастовки в таких условиях. Поэтому они еще в большей степени, чем прежде, становились для российского пролетариата школой классовой борьбы.

X. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Номера «Правды» дают нам возможность судить и о степени участия рабочего класса в политической борьбе, о политических настроениях, господствовавших в то время в пролетарских массах.

«Правда» начала выходить в момент нового под'ема рабочего движения. По сообщавшимся газетой фактам легко проследить, как революционное настроение, охватывавшее рабочих, переходило в революционные действия. О политических настроениях рабочего класса прежде всего говорило стачечное движение, то место, какое занимали в нем политические стачки, то единодушие, с каким рабочие в качестве политических требований выставляли лозунги, намеченные январской конференцией партии.

Республиканское знамя рабочий поднимал вполне сознательно. Вокруг себя он видел на каждом шагу и поминутно соприкасался сам с грубейшими проявлениями произвола, характерного для русского царизма даже в условиях полуконституционного режима. Этот режим не давал ему минимальных гражданских свобод. Мог ли рабочий верить в какую-либо неприкосновенность личности, когда каждый день убеждал его в обратном? Нередкие уличные манифестации и

демонстрации сопровождались неизменно разгоном их. Сплошь и рядом полиция открывала при этом стрельбу, казаки пускали в ход нагайки. Ленская трагедия была особенно показательным примером. И нашумевшая фраза, сказанная в Государственной думе министром внутренних дел Макаровым, выступавшим по поводу запроса о ленских событиях, — «так было, так будет!» свидетельствовала о том, что подлинной политикой правительства по отношению к пролетариату является политика расстрелов. Избиения демонстрантов — аресты бастующих, высылки активных участников рабочего движения — все это убеждало рабочего в призрачности конституционных иллюзий. Мог ли рабочий быть убежденным в свободе собраний, хотя бы на основании царских законов, урезавших эту свободу, если эти собрания закрывались и разгонялись полицией? В «Правде» нередко можно встретить сообщение вроде следующего:

«Оштрафованы на сто рублей каждый, с заменою арестом на один месяц, десять рабочих за тайное собрание в лесу Охтенского лесничества».

В одном случае речь шла о собрании на Охте, в другом — о сходке рабочих-металлистов в Сосновке, в третьем еще о каком-либо собрании. Рабочий понимал, что штрафами, арестами, высылками ему преграждают возможность какого бы то ни было обсуждения вопроса в товарищеском кругу. Мог ли рабочий быть уверенным в спокойном существовании профессиональной или культурно-просветительной

организации, созданной его руками, если перед его глазами был ряд примеров, когда такие организации, любовно созданные и лелеемые им, разлетались как карточный домик от прикосновения полицейской руки? Мог ли рабочий рассчитывать на то, что он прочтет сегодня очередной номер своей газеты, своего профессионального журнала? Чуть не каждый день узнавал он о штрафах, судебных преследованиях, сыпавшихся на его печатный орган, чуть не каждый день он узнавал о конфискации своей газеты, и если с трудом добывал ее для чтения, то из-под полы газетчика или товарища. Политическое бесправие и произвол заявляли о себе слишком громко повсюду, чтобы рабочая масса, недавно пережившая революцию, услышавшая ленские залпы, оставалась бы в стороне от политической борьбы.

Вопрос мог стоять только так: за каким знаменем пойдут рабочие ряды; за знаменем меньшевиков-ликвидаторов или за знаменем большевиков?

На этот вопрос ответил факт рождения «Правды». Ликвидаторские потуги оттолкнуть рабочих от «Правды» и перетянуть их на сторону своей газеты оказались тщетными. Рабочий класс в подавляющем большинстве отошел от ликвидаторских позиций и целиком отдал свои симпатии большевистской газете. Отношение к ликвидаторам должно было выявиться еще ярче вскоре же после выхода «Правды», когда на очередь выдвинулось проведение избирательной кампании в четвертую Государственную думу.

Рабочий класс уже знал, что ему не приходится возлагать своих надежд на Думу, избранную по закону 3 июня 1907 г. [1]). Этот закон подтасовывал состав народного представительства, обеспечивая преобладание в нем цензовым элементам. Урезанное представительство рабочих в Думе, конечно, было слишком недостаточно для того, чтобы влиять на деятельность помещичьего и буржуазного большинства, поддерживаемого к тому же частью крестьянских депутатов. Опыт третьей Государственной думы мог еще более убедить в этом рабочий класс. Но тот же опыт показывал, что даже в существующих условиях ораторская трибуна Государственной думы должна быть использована в интересах рабочего класса. В 1912 г. кончались полномочия третьей думы, предстояли выборы в четвертую. Итти в Думу — таково было решение январской партийной конференции. Задачу партии и задачу будущей социал-демократической фракции в Думе конференция видела в социалистической классовой пропаганде и в организации рабочего класса.

Избирательная платформа, выдвинутая конференцией, как уже сказано, сводилась к трем лозунгам, которые меньшевики называли «тремя китами»

[1]) 3 июня 1907 г., день, когда был обнародован закон о новом порядке выборов в Государственную думу, явился одновременно и днем разгона второй Думы. По этому закону рабочие, крестьяне, помещики и городское население выбирали отдельно.

большевизма—к лозунгам демократической республики, 8-часового рабочего дня и конфискации помещичьей земли. Со своей стороны меньшевики главным требованием избирательной платформы выставляли требование свободы союзов. Это вполне соответствовало их намерениям ликвидировать революционное подполье и ограничиться легальной борьбой. Между ликвидаторами и большевиками обнаружилось разногласие и по вопросу о том, какая борьба должна развернутся во время избирательной кампании. Ликвидаторы находили, что на выборах борются два лагеря — реакционный и оппозиционный. Все силы поэтому они считали необходимым отдать борьбе с реакцией и укреплению оппозиционного лагеря. Наоборот, большевики отмечали, что в избирательной борьбе сталкиваются три лагеря: во-первых, правый — реакционный, поддерживающий правительство; во-вторых, либерально-оппозиционной, об'единяющий либерально-монархическую буржуазию, борющуюся и против правительства и против демократии; наконец, третий лагерь — демократический, возглавляемый рабочим классом. Крестьянская демократия, представляемая партией трудовиков, по мнению большевиков, колебалась между двумя последними лагерями. Эту точку зрения в «Правде» развивал Ленин, который указывал, что

«...размежевка партии, уяснение классового сознания рабочих может сделать шаг вперед,— если мы тщательно, всесторонне, неуклонно используем

выборы именно в целях просвещения и сплочения масс»[1]).

Из этого взгляда на борющиеся силы вытекла избирательная тактика большевиков: беспощадная война против монархии и поддерживающих ее партий, разоблачение контр-революционных взглядов и фальшивого демократизма либералов, раз'яснение мелкобуржуазной сущности трудовиков—народников, социалистов-революционеров и того вреда, который приносят колебания этих групп в вопросах революционной борьбы. В основе большевистской тактики лежало признание необходимости для пролетарской партии отмежеваться от всех непролетарских партий. Отсюда вытекал ряд решений о возможности или невозможности тех или иных избирательных соглашений.

Система выборов по третьеиюньскому закону представлялась достаточно сложной. В 6 промышленных губерниях обязательно избиралось по одному депутату в Думу от рабочих. В других губерниях обязательного избрания рабочих депутатов не существовало и такой депутат мог пройти только от общего собрания выборщиков. Большевики повсюду в рабочей курии[2]) выставляли своих кандидатов и не

[1]) Выборы и партии. («Правда» № 19 от 22 мая 1912 г.), см. также Н. Ленин, собр. соч., том XII, часть I, 1925 г., стр. 149.

[2]) Курия — группа избирателей, об'единенных для выборов по имущественному, сословному или профессиональному признаку.

пускали никаких соглашений ни с другими партиями, ни с ликвидаторами. Во втором разряде городских избирателей, по возможности в крестьянской курии, а также на первоначальных выборах по второму разряду в тех пяти городах, которые пользовались по закону правом прямых выборов депутатов, большевики стояли за самостоятельные социал-демократические кандидатуры. Вместе с тем большевики допускали соглашение с буржуазной демократией против либералов или даже с либералами против правых на перебаллотировках по второму разряду городских избирателей или на второй стадии выборов. Со стороны меньшевиков-ликвидаторов эта тактика вызывала ряд нападок.

«Правда» принимала самое энергичное участие в проведении избирательной кампании. Значение и роль «Правды» были выяснены в одной из передовиц газеты:

«Рабочие Петербурга поставили свою ежедневную рабочую газету, между прочим, именно для того, чтобы выборы велись возможно более гласно, чтобы рабочие массы, независимо от исхода выборов, сплачивались и развивали свое сознание партийной борьбой во время выборов» («Правда» № 111 от 7 сентября 1912 г.).

В «Правде» помещались призывы к избирателям, не платящим квартирного налога, печатались «ответы избирателям», помещались статьи, выяснявшие технические подробности выборов. В одном из номеров

«Правды» в корреспонденции из Харькова были раскритикованы выдвинутые харьковскими ликвидаторами кандидаты в Думу. Это, как заявила «Правда», был «пример, достойный подражания». «Правда» призывала и других рабочих последовать примеру харьковских товарищей и присылать корреспонденции для хроники выборов. В избирательной кампании роль «Правды» оказалась весьма значительной.

Рабочий класс и в этой кампании показал свою политическую зрелость. От 6 губерний, избиравших рабочих депутатов, прошло в Думу шесть большевиков. За ними стояло свыше 1 миллиона избирателей-рабочих. В то же время 7 остальных социал-демократических депутатов, прошедших по другим губерниям, представляли районы с общим числом рабочих не свыше 214.000 человек.

В четвертой Думе, собравшейся осенью 1912 года, выяснилась невозможность совместной работы большевиков и ликвидаторов в рядах одной социал-демократической фракции. Большевистская «шестерка» [1]) оказалась подавленной меньшевистской «семеркой», к которой примкнул варшавский депутат. Ликвидаторская часть фракции стала на платформу так

---

[1]) Эту «шестерку» составили: А. Е. Бадаев (от Петербургской губ.), Р. В. Малиновский (от Московской губ. Впоследствии оказался провокатором), М. К. Муранов (от Харьковской губ.), Г. И. Петровский (от Екатеринославской губ.), Ф. Н. Самойлов (от Владимирской губ.) и Н. Р. Шагов (от Костромской губ.).

называемого «августовского блока», образовавшегося в августе 1912 г. и об'единившего на первых порах меньшевиков-ликвидаторов, Бунд, латышскую социал-демократию и троцкистов [1]). Весною 1913 г. в думской фракции между двумя крыльями ее началась, по выражению депутатов-большевиков, «братоубийственная война», поднятая ликвидаторами. Эта борьба, которая была перенесена в печать и на рабочие собрания, явилась новым средством испытания верности рабочей массы принципам большевизма.

Начало ей было положено после того, как четверо из депутатов-большевиков отказались от обещанного ими сотрудничества в петербургской газете «Луч», органе ликвидаторов. Ликвидаторская «семерка» напечатала в «Луче» «Заявление членов социал-демократической фракции Государственной думы». В этом «Заявлении» они обвинили четырех депутатов в том, что те идут на раскол. Ликвидаторское заявление было перепечатано в «Правде» вместе с ответом думской «шестерки». «Шестерка» выносила вопрос о раскольническом шаге ликвидаторов на суд рабочих.

В «Правду» посыпались многочисленные отклики рабочих. На ряде предприятий, в многочисленных

---

1) В противоположность большевикам инициаторы блока, говоря об об'единении всех социал-демократических течений, стояли за участие в блоке ликвидаторов. Блок и получил ликвидаторскую окраску. Впоследствии от него отошли латыши и группа Троцкого.

рабочих группах принимались протестующие резолюции.

«Мы требуем, чтобы социал-демократическая фракция Государственной думы, чтобы наши товарищи депутаты боролись с думской трибуны за наши коренные и неурезанные требования, которые остались неразрешенными, а не за частичные реформы, как предлагает «Луч»,— говорилось в одной из резолюций, вынесенной группой 623 петербургских рабочих.

«Мы протестуем против раскола фракции, с чьей бы стороны он ни исходил»,— писали с Урала 143 мотовилихинских рабочих.

Позицию «Луча», назвавшего политическую организацию пролетариата «прискорбным фактом подполья», горячо осуждали все резолюции. Однако, ликвидаторы-депутаты не унимались и опять выступили против предпринимавшегося большевиками журнала «Вопросы страхования». В 1913 г. на совещании ЦК с партийными работниками было констатировано, что единство фракции в области думской работы возможно и необходимо. Но совещание находило, что «семерка», пользуясь формальным большинством голосов, недопустимо подавляет в думе права большевистской «шестерки»: она лишает «шестерку» возможности выступать от имени фракции с думской трибуны, когда фракция имеет возможность выставить двух ораторов, она не дает ей мест в думских комиссиях, если фракции дается в них

два места. Совещание протестовало против такого поведения «семерки», подавляющей мнение другой части фракции, и призывало рабочих высказаться по этому поводу.

Отклики на этот призыв снова показали, что рабочие массы правильно оценивали положение. Они говорили:

— Требуем удовлетворения прав меньшинства.

— Довольно вам, ликвидаторам, морочить головы последователям марксизма.

— Вполне разделяем взгляды шести депутатов, как последовательных марксистов, одобряем их тактику...

— Раскол в думской социал-демократической фракции — только отражение «раскола» в рабочей среде.

По этому поводу в «Правде» появились резолюции свыше чем 130 предприятий.

В конце октября ликвидаторское крыло фракции отказалось удовлетворить условия, на которых большевистская «шестерка» считала возможным продолжать совместную работу. «Шестерка» вынуждена была начать отдельное существование как самостоятельная фракция, о чем она и заявила в обращении «Ко всем рабочим».

История раскола думской фракции показала, что массы идут за «Правдой», за большевиками. Раскол еще больше сплотил эти массы вокруг «Правды» и ее знамени. Осенние события 1914 г, — арест, суд над членами большевистской думской «пятерки» (шестой

московский депутат Малиновский перед войной сложил свое депутатское звание; тогда еще никто не знал, что он является провокатором), ссылка ее в Сибирь, отклики на это рабочих — подчеркнули еще раз, как крепко спаялись рабочие массы со своими избранниками-большевиками.

Большевизм был тем политическим знаменем, под которым твердым шагом шла в довоенные годы наиболее сознательная передовая часть российского пролетариата.

XI. РАБОЧАЯ ПЕЧАТЬ

В четырех июльских и августовских номерах «Правды» 1912 года В. И. Ленин поместил ряд статей, в которых подводил итоги полугодовой работы русских рабочих над созданием своей печати.

«Нам недостаточно профессиональных изданий, нам нужна своя политическая газета—вот какое сознание крепло в массах в апрельские дни,—вспоминал В. И. Ленин—нам нужна не любая политическая рабочая газета, а, именно, газета передовой рабочей демократии; нам нужна газета не только для того, чтобы помогать нашей рабочей борьбе, но для того, чтобы дать образец и светоч всему народу» [1]).

Вместе с тем В. И. Ленин так оценивал создание «Правды» рабочей массой:

«Поставив ежедневную рабочую газету, петербургские рабочие совершили крупное, — без преувеличения можно сказать, — историческое дело... Создание «Правды» остается выдающимся доказательством сознательности, энергии и сплоченности

---

[1]) Итоги полугодовой работы. («Правда» № 78 от 29 июля 1912 г. См. Н. Ленин, т. XII, ч. I, стр. 244).

русских рабочих... Как раз с января текущего года окончательно определился интерес в рабочих кругах Петербурга к своей печати, появился ряд статей об ежедневной рабочей газете в органах всех оттенков, соприкасающихся с рабочим миром» [1].

Справедливость этого утверждения Ленина подтверждается, с одной стороны, тем, что «Правда» не была единственным легальным большевистским изданием. На ряду с ней существовали и возникали и большевистские легальные газеты, и большевистские легальные журналы. Все эти издания находили распространение в рабочей среде. С другой стороны, В. И. Ленин был прав и потому, что «Правда» широко распространялась, находила новых читателей, могла задумываться как над своим расширением, так и над выпуском прибавлений, что несомненно подтверждало возраставший интерес пролетарского читателя к своей газете.

В течение почти пяти месяцев «Правда» выходила одновременно с «Невской звездой». Для Петербурга этого было достаточно.

«Москва должна будет, конечно, обзавестись своей ежедневной рабочей газетой»,

— говорил В. И. Ленин в июле 1912 г. Такой газетой Москва обзавелась в 1913 г., когда здесь 25 августа вышла газета «Наш путь». На создание ее пошли суммы, опять-таки собранные среди рабочих.

---

[1]) Н. Ленин, собр. соч., т. XII, ч. I., стр. 241.

395 рабочих групп произвели сборы для этой цели. «Правда» собрала для московской газеты 3.300 руб. Кроме того, поступили отдельные пожертвования. Правдистская позиция, которую занял «Наш путь», погубила его на 16-м номере. 12 сентября он уже перестал существовать, прожив всего 21 день.

Сама «Правда» с 29 мая 1913 г. увеличила свой размер. В этот день она писала:

«Правда» расширяется потому, что рабочему движению стало тесно в старых рамках своей газеты... Это не бумага изменилась, это не число корреспонденций увеличилось! Нет! Это сделало новый шаг вперед движение всего российского пролетариата».

Но «Правда» на этом не останавливалась. Во вторую годовщину ее существования, 22 апреля 1914 г., вышла написанная В. И. Лениным и Г. Е. Зиновьевым брошюра, посвященная истории рабочей печати в России. Брошюра вышла из цензурных соображений под видом № 1 газеты «Рабочий». В заключительных строках ее авторы развивали широкий план дальнейшего издания «Правды». Им рисовалось общепрофессиональное приложение. Они мечтали создать областные (московское, уральское, кавказское, прибалтийское, украинское) приложения к газете. Они считали необходимым давать приложения, посвященные движению рабочих разных национальностей России. Они считали, что «Путь правды» (название, под которым в 1914 г. с 22 января выходила «Правда»)

«...слишком труден, слишком велик для рабочего с улицы, для массовика, для представителя невтянутых еще в движение миллионов».

Они говорили:

«Надо создать копеечную «Вечернюю правду», которая бы в 200, в 300 тысячах экземпляров шла в глубь пролетарской и полупролетарской массы, показывая ей свет всемирного рабочего движения, внушая ей веру в свои силы, толкая ее на сплочение, помогая подняться до полной сознательности».

Вставал вопрос и о воскресных приложениях.

Большевистская газета завоевала пролетария. На ряду с нею проникал в рабочую среду и большевистский журнал. В эти годы появилось несколько типов рабочих журналов. Существовал ряд профессиональных журналов. Часть их возникла давно, часть появилась под непосредственным влиянием «Правды».

В «Правде» невозможно было уделять слишком много места вопросам приказчичьего движения. А движение это разрасталось. Возник поэтому профессиональный орган торгово-промышленных служащих «Вестник приказчика». Также создался «Пролетарий иглы». Существовал в то же время ряд других профессиональных журналов, издававшихся металлистами («Металлист»), печатниками («Печатное дело»), деревообделочникам («Деревообделочник»), конторщиками («Бюллетень конторщика»), булочниками и кондитерами («Голос булочника и кондитера»), портными («Вестник портных»). В некоторых из них чувство-

валось, однако, ликвидаторское влияние. Рядом с профессиональными журналами вырос в 1913 г. журнал, посвященный страховому делу, «Вопросы страхования». 23 февраля 1914 г. вышел № 1 журнала «Работница», мысль о создании которого подал В. И. Ленин. Наконец, существовал выходивший с декабря 1911 г. теоретический орган партии «Просвещение», носивший подзаголовок «Общественно-политический и литературный журнал марксистского направления». «Просвещение», «Работница» погибают тогда, когда невозможным становится существование рабочей печати — в июле 1914 г. Несколько позже погибли и «Вопросы страхования». Им, однако, удалось возродиться в феврале 1915 г. с тем, чтобы погибнуть вторично в ноябре 1916 г.

Вот достаточно широкий круг большевистских периодических изданий в предвоенные годы. С ними пытаются конкурировать издания ликвидаторов. «Правда» при своем первом появлении еще застает умирающую в Петербурге ликвидаторскую газету «Живое дело», начавшую выходить 20 января 1912 г. и погибшую 28 апреля на 16-м номере. «Живое дело» сменил 20 мая «Невский голос». Он был приостановлен с выходом «Луча». Выпуская «Луч» 16 сентября 1912 г., в день выборов уполномоченных по рабочей курии Петербурга, ликвидаторам удалось осуществить свой план издания ежедневной газеты. «Луч» повел против «Правды» ожесточенную борьбу, начиная с первого же номера. С этой целью

мобилизовались крупные партийные силы. В № 15 «Луча» (от 3 октября 1912 г.) Л. Д. Троцкий, например, в «Ответе путиловцам» решительно заявлял:

«С раскόлом, изо дня в день проповедуемым петербургской «Правдой», необходимо бороться».

Спустя две недели, в № 26 (от 16 октября) Троцкий пишет статью под заголовком «Рабочую прессу под контроль!» В ней он предлагает установить комиссию контроля над рабочей печатью, а следовательно и над «Правдой».

«Луч» сменился в дальнейшем «Рабочей газетой». Помимо того в руках ликвидаторов был журнал «Страхование рабочих» и несколько профессиональных органов. Троцкистская группа приступила к изданию журнала «Борьба». Кое-каких сторонников эти издания имели и среди рабочих.

В какой же степени рабочая печать проникала в массы?

С водочного завода Петрова в «Правду» писали:

«Рабочие работают самые темные, неорганизованные, все деревенские парни и девушки... $^3/_4$ рабочих не имеют понятия, что такое рабочая газета для чего она издается».

Корреспондент со станции Брянск, Киево-Воронежской железной дороги, рисовал такую картину:

«Газета здесь еще не завоевала читателя. Здесь не читают не только рабочих газет, но и вообще газет, даже пресловутой «Копейки» [1]).

[1]) Под этим названием («Копейка», «Трудовая копейка» и т. п.) до империалистической войны появилось не-

Впрочем, нужно сказать, что на небольшие станции даже и прогрессивные газеты не все доходят по полицейским условиям, рабочую же газету «ловят».

Наивность некоторых рабочих граничила с несознательностью. Донбассовские шахтеры пытались посылать корреспонденции в «Русское слово», в «Биржевые ведомости», в «Копейку» и наивно удивлялись, когда эти органы буржуазной печати не помещали ни одной строки. «Правде» предстояло завоевывать рабочего читателя. Это ей удавалось.

«Рабочие собираются вокруг «Правды», как пчелы вокруг улья,—писали московские портные.—Она много их собрала под свое знамя, вооружила их знанием».

«Работы газетой «Правда» сделано за один год столько, что ни одним бухгалтерам не удастся подвести итога», — писали рабочие Николаевской железной дороги.

Группа рабочих трубочнолитейного завода в Макеевке писала:

«Мы только три месяца получаем нашу любимую «Правду». За такое короткое время в ней мы нашли больше, чем за 3 года в других газетах. Мы

сколько дешевых газет, рассчитанных на распространение среди трудящихся слоев городского населения. Издание этих газет преследовало, разумеется, коммерческие цели, а сами газеты по содержанию проникнуты были мелкобуржуазной идеологией. Наибольшим распространением пользовалась «Копейка», издававшаяся в Петербурге.

видим жизнь и борьбу наших товарищей за кусок хлеба; мы видим, какие жертвы приносит рабочий класс за улучшение своего положения».

Рабочий тульского патронного завода заносил в свой дневник впечатления от чтения «Трудовой правды»:

«Как радостно, что есть газета, которая так правдиво рассказывает о нашей жизни и так верно знает наши рабочие думы».

В Харькове «Звезда», а за нею «Правда» расхватывались рабочими. В ряде городов попадавшие сюда и уцелевшие от конфискации номера расходились моментально и достать их можно было лишь с трудом.

Для характеристики отношения рабочего читателя к «Правде» показательны цифры ее тиража. Вначале газета печаталась в количестве 85.000 экземпляров.

Преследования заставляли тираж падать. В августе 1913 г. он упал до 21.000, потом поднялся до 35.000 и даже до 60.000 экземпляров. Если полиция конфисковала номер, печатавшийся в 45.000 — 50.000 экземпляров, то все-таки удавалось распространить тысяч 25—35. Юбилейный номер, вышедший в 1914 г. в день двухлетней годовщины «Правды», разошелся в количестве свыше 100.000 экземпляров. На Петербург приходилось около половины всего тиража «Правды». Один Путиловский завод брал около 3.000 экземпляров. На Балтийском заводе расходилось около 1.500 экземпляров. Одних подписчиков

«Правде» удалось в 1913 году собрать до 5.000. С этими цифрами, конечно, не может выдержать сравнения тираж ликвидаторского «Луча», печатавшегося всего в количестве 10—12.000, из которых в Петербурге расходилось тысячи две-три.

Тираж «Правды» давал ей возможность в юбилейном номере в одной из статей сказать:

> «Правда» и массовое движение сознательного пролетариата в России неразрывно связаны между собою: работать в «Правде» — значит работать в массовом движении, а работать в массовом движении — значит прямо или косвенно работать в «Правде». И наоборот: порвать с «Правдой» — значит порвать с массовым движением; выступить против «Правды», бороться против нее — значит бороться против массового движения сознательного российского пролетариата».

Нашелся у «Правды» и иной читатель — забитый, но пробуждающийся сельский батрак и нищенствующий крестьянин. «Правда» и ему отвела свои страницы. Для него она завела отдел «Крестьянская жизнь».

> «Очень бы хотелось почитать дорогую газету «Правду». Нельзя ли как по секрету,» — писали в редакцию в письмах из деревни.

И «Правда» уходила в деревню.

> «Со всех концов России, из самых дальних ее захолустий, — рассказывается в брошюре Ленина и Зиновьева, — шлет крестьянин привет своей газете.

К ней, к лучшей своей советнице, идет он со своими сомнениями. На ее страницах изливает он всю скорбь своего многострадального существования. На ее же страницах ищет он ответа на все свои вопросы, на все свои сомнения. Простым, бесхитростным языком повествует крестьянин Севера и Юга, Кишенева и Тобольска о гнете земских начальников, о бесконтрольном хозяйничаньи всякого деревенского начальства, о несправедливостях отца-батюшки, о нечеловеческом выколачиваньи недоимок».

Из Лифляндской губернии раздается призыв:

«Читайте побольше рабочую газету «Путь правды», да заронит она солнца луч в ваши сердца».

Из Олонецкой губернии звучит другой голос:

«Не спать и нужду заливать, а выписывать рабочую газету, но не «Биржевые ведомости» и не «Копейку». Только в рабочих газетах вы научитесь управлять своими собственными делами и защищать свои кровные интересы».

Несется из деревни и еще один отклик:

«Хотя мы и не рабочие, но мы прислушиваемся к их голосу и многому у них учимся».

Была еще одна группа читателей. Это те, которые брались за «Правду», потому что там разоблачали их эксплоататорские склонности, их грубость — хозяева и хозяйчики, мастера, подрядчики.

В Гомельском Истпарте хранится старый номер «Правды» 1913 года. Он попал сюда, потому что был

найден в бумагах одного железнодорожного мастера, умершего в Гомеле после революции. Покойный, оказалось, бережно хранил тот номер, где была напечатана обличавшая его корреспонденция, и покрыл поля газеты своими оправдательными заметками [1]).

Кто же, зная это, не согласился бы со словами одного из корреспондентов «Правды»:

«Рабочая печать действует «чудотворным» образом на наших Тит Титычей».

Сочувственное отношение рабочих к своей печати не ограничивалось чтением и посылкой корреспонденций. Оно выражалось в той материальной поддержке, которую рабочие спешили оказать своей газете. Мы видели, какой результат давали сборы, производившиеся на «Правду» по предприятиям. Отчисления на «Правду» не прекращались до конца ее существования. Радостный день пришлось пережить работникам «Правды» во вторую годовщину выхода ее в свет, 28 апреля 1914 г. По мысли «Правды», день 22 апреля был об'явлен — впервые в этом году — днем рабочей печати. 19 апреля «Правда» писала:

«День рабочей печати должен быть днем проявления рабочей мысли. В этот день рабочая масса скажет, кому она сочувствует: марксистам или ликвидаторам... И в день рабочей печати рабочие должны заявить: мы сочувствуем марксизму, а не ликвидаторству; мы хотим поддерживать свою

[1]) Г. Лелевич. Из истории одного процесса. (Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. III, 1923 г., стр. 123—125).

рабочую газету, а не газету либеральных рабочих политиков. День рабочей печати должен быть днем выбора своей линии, днем торжества марксизма против ликвидаторства».

Ожидания редакции «Правды» оправдались целиком. Номер разошелся больше, чем в 100.000 экземпляров. Торжеством для «Правды» было и то, что к этому дню поступило от рабочих около 18.000 руб. в «железный фонд «Правды». Этот успех был очень важен, так как, услышав о дне рабочей печати и «железном фонде», ликвидаторы стали агитировать за то, чтобы собранные в фонд деньги были бы поделены пополам между большевистской и ликвидаторской газетами. Аппетит к этим сборам появился и у петербургских социалистов-революционеров, которые предложили делить пожертвования уже на три части. Агитация противников «Правды» провалилась, и этим лишний раз было доказано, что симпатии рабочих почти всецело на стороне большевистской печати.

В лице «Правды» рабочий класс имел орган прекрасно поставленный и еще лучше руководимый. Затруднялось это руководство лишь тем, что шло издалека. Но оно было в надежных руках В. И. Ленина. Для этой цели В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев поселились в Кракове, а на летнее время переезжали в Поронино, маленькую деревушку вблизи русско-австрийской границы. Отсюда, из Галиции, Ленин внимательно следил за «Правдой», получая и прочитывая все ее номера, постоянно переписывался с редакцией

давал ей ряд указаний, посылал материал. Ленин и Зиновьев взяли на себя и ведение в «Правде» иностранного отдела. В некоторых случаях представители «Правды» приезжали на совещания к Ленину. О том пристальном внимании, с каким заграничные руководители «Правды» следили за ней, свидетельствует их переписка с редакцией.

В этой переписке Ленин неоднократно отмечает промахи «Правды». Так, 26 ноября 1912 г., посылая в «Правду» наказ петербургскому депутату в Думе, составленный петербургскими рабочими, он говорит о «совершенной недопустимости» того, что «Правда» молчит о наказе.

«Что же это такое? — восклицает Ленин. — Неужели рабочая газета может существовать, если она будет с таким пренебрежением относиться к тому, что интересует рабочих?».

И Ленин подчеркивает:

«...непременно поместите этот наказ петербургскому депутату на видном месте, крупным шрифтом».

В другом письме, написанном в тот же день, «с крайней печалью» он констатирует два промаха в очередном номере «Правды» — отсутствие некоторых материалов. «Совершенно непростительным» считает он, что петербургский депутат Бадаев не дает в газету своего материала:

«...рабочая газета в Питере без сотрудничества рабочего депутата Питера (да еще сторонника «Правды») — вещь нелепая».

В феврале 1913 г. Ленин напоминает о приближающемся 30-летии со дня смерти Маркса.

«Надо бы издать,— проектирует он,— приложение за 2—3 копейки 4 страницы формата «Правды» с портретом Маркса, большим, с рядом статеек» [1]).

Такого же рода письма посылает «Правде» Г. Е. Зиновьев. То он разбирает недостатки газеты, то рекомендует ей не бояться полемики, то подыскивает интересный для читателей «Правды» роман из рабочей жизни, то рекомендует печатать статистику тиража. Пишет в «Правду» и Н. К. Крупская, рекомендуя, например, начать кампанию за подписку [2]).

Правительство и полиция знали о том успехе, каким пользовалась «Правда» в массах. Хорошо осведомлены они были и о том, кто является за рубежом фактическим руководителем «Правды». Уже на январском заграничном совещании 1912 г., посвященном вопросу об издании ежедневной рабочей газеты, принимали участие три крупных провокатора — будущий депутат четвертой Думы от Московской губернии Р. В. Малиновский, депутат третьей Думы от Харьковской губернии рабочий В. Е. Шурканов и секретный осведомитель московской охранки рабочий А. С. Романов («Пелагея»). Характерно поэтому

---

[1]) Письма В. И. Ленина, Н. К. Крупской, Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева в «Правду», думскую фракцию и питерскую организацию. (Из эпохи «Звезды» и «Правды». Вып. III, 1923, стр. 196, 198, 214).

[2]) Там же, стр. 188, 191, 192, 194, 202.

замечание жандармов, которое в 1912 г. пришлось выслушать в охранном отделении Н. Н. Батурину. На его вопрос о причине ареста жандармы ответили:

— За редактирование «Правды».

Батурин пытался возразить:

— Но ведь «Правда» легальная газета.

Ему заметили:

— Знаем мы вашу легальную газету. Это орган вашей большевистской партии [1]).

Понятно, почему цензура и полиция спешили задушить легальную большевистскую печать, в частности «Правду». «Звезда» была закрыта по постановлению суда. Еще бо́льшие преследования выпали на долю «Правды».

За время своего существования — два года и $2^1/_2$ месяца — «Правде» пришлось переменить восемь названий. Из этих восьми газет только одна «Правда труда» приостановилась сама, остальные семь были закрыты. Дольше других удалось просуществовать «Правде». Она выходила в течение 440 дней, выпустив за это время 356 номеров. Сменившая ее «Рабочая правда» погибла на 17-м номере. Ее преемнице, «Северной правде», пришлось выпустить 31 номер. «Правда труда» прекратила свое существование после 20 номеров. «За правду» была закрыта на 52-м номере. «Пролетарская правда» выпустила 34 номера. Дольше продержался «Путь правды», который вышел в

[1]) Н. Батурин.— От «Звезды» к «Правде». (Из эпохи «Звезды» и «Правды». Вып. III, 1923, стр. 16).

количестве 92 номеров. Последняя в длинном ряду многострадальных «Правд» — «Трудовая правда» погибла на 35-м номере. С этих пор «Правда» прекратила свое существование. Воскреснуть ей удалось только 5 марта 1917 г. Всего в 1912—14 гг. под разными названиями «Правда» выпустила 637 номеров.

Одними закрытиями преследования не ограничивались. Номера газеты постоянно подвергались конфискациям и штрафам. Редакторов арестовывали без замены штрафом, привлекали к суду. За первые два года существования «Правды» было конфисковано 134 номера из 565. За то же время был наложен штраф на 31 номер в сумме 14.450 руб., с заменой арестом в общей сложности на 80 месяцев 31 неделю. Без замены штрафом редакторы должны были отсидеть за 3 номера 9 месяцев. Чем дальше, тем сильней становился град преследований против «Правды». Производились обыски в редакции и у ее работников. Газетчикам запрещали продавать «Правду». Им угрожали штрафом за распространение конфискованных номеров, у них отбирали даже неконфискованные номера. Несмотря на то, что газета благодаря частым конфискациям, несла большие убытки, несмотря на то, что приходилось прилагать много изворотливости, чтобы выпустить и распространить номер, сильная поддержкой рабочих «Правда» продолжала выходить.

Сделана была попытка погубить «Правду» изнутри. Летом 1913 г. в состав редакции вошел провокатор

Мирон Черномазов. Разоблачила его впоследствии только Февральская революция. Черномазов стремился к тому, чтобы номер за номером был конфискован. Провокатор даже не скрывал, что он к этому стремится. В редакции он доказывал, что конфискации только на пользу — они содействуют поднятию революционного настроения. Некоторых из членов редакции Черномазову удалось убедить; они соглашались с ним в этом. Однако, конфискации разоряли газету, и существовала она только благодаря притоку рабочих пожертвований. Наконец, часть работников редакции все-таки настояла на удалении Черномазова. В. И. Ленин в своих письмах предлагал избегать конфискаций. Черномазов был удален с работы в редакции — план охранки не удался.

Тернистой дорогой шла большевистская печать, шла «Правда». По этому пути она могла итти только потому, что ее поддерживали рабочие, для которых она была:

— Своя!.. Родная!..

XII. НА ПОРОГЕ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Июньские дни 1914 г. приковали внимание петербургских рабочих к той стачке, которая с конца мая тянулась на берегах далекого Каспия. Это внимание с каждым днем подогревалось известиями о новых и новых репрессиях, обрушивавшихся на рабочих бакинских нефтяных промыслов. Упорство, с которым они держались, раз'яряло и хозяев, и власти. Бастующих начали выселять из промысловых казарм. Мировой суд сотнями выносил постановления о выселениях. Скученность рабочих, выселенных и приютившихся на частных квартирах, угрожала развитием эпидемических заболеваний. Одновременно власти хватали стачечников и арестовывали их. Десятки бастующих высылались на родину. По русскому обыкновению борьбу с рабочими довершали казаки, расправлявшиеся нагайками.

Петербургские рабочие отозвались на бакинские события устройством митингов по фабрикам и заводам. На митингах принимались резолюции протеста против расправ с бакинскими товарищами. Принимались приветственные резолюции, которые должны были поддержать бакинцев в их борьбе, напомнив о солидарности с ними петербургского пролетариата.

На некоторых немногочисленных, впрочем, предприятиях прошли и забастовки протеста.

3 июля на Путиловском заводе перед окончанием работ собрался митинг, посвященный бакинским событиям. Появилась полиция, потребовавшая чтобы рабочие разошлись. Были заперты ворота, и во дворе завода начался расстрел рабочих. Двое было убито, несколько десятков оказались ранеными.

На завод выехал вызванный путиловцами петербургский депутат Бадаев. В участке он был свидетелем того, как приводили в чувство избитых полицией путиловцев. Ночью завод уже не работал — ночная смена забастовала.

На следующий день «Правда» вышла с описаниями событий на дворе Путиловского завода. Снова всколыхнулся рабочий Петербург. Останавливались один за другим заводы — «Новый Лесснер», Русско-Балтийский вагонный завод, «Новый Айваз», завод Барановского... Вставал вопрос о продолжительности стачки. Петербургский комитет большевиков высказывался за трехдневный протест. К металлистам начали присоединяться стекольщики, булочники, картонажники, деревообделочники, химики.

В «Правде» каждый день под рубрикой «Политические стачки» появлялись новые сообщения. 4 июля произошло несколько столкновений между полицией и демонстрантами. С рабочими Невского механического завода расправилась конная полиция. По образцу путиловской расправы, рабочих загнали во

двор завода и избили нагайками. В этот же день последовали новые расстрелы. Были обстреляны рабочие на дворе фабрики «Скороход». На Выборгской стороне полиция встретила упорное сопротивление. В ответ на выстрелы полиции в нее полетели камни. Рассеянные в одном месте, выборжцы оказали вторичное сопротивление в другом. Неудачно для полиции окончилось столкновение на ветке Путиловского завода. Полиция также открыла здесь огонь, но, расстреляв все свои патроны, вынуждена была отступить под градом сыпавшихся на нее камней.

5 июля в Петербурге бастовало 90.000 рабочих. Забастовки начались и в Москве. 7 июля число бастующих в Петербурге поднялось до 130.000 человек. Рабочие в этот день останавливают трамвайное вагоны, удаляют из них публику, рукоятки моторов и мелкие вагонные части бросают в воду. Трамвайное движение останавливается. На Выборгской стороне уже появляются баррикады. Рабочие валят трамвайные вагоны, опрокидывают телеги, разламывают заборы, подкатывают катушки от кабеля. Появляющихся казаков и полицейских встречают камнями.

На следующий день, 8 июля, столкновения продолжаются. Бастует уже 150.000 человек. В центре города раздается «Марсельеза», полиция рассеивает демонстрантов. На окраинах за Невской и Московской заставами, на Выборгской стороне, в Полюстрове — стрельба и ответный град камней.

В тот же день вечером помещение редакции «Трудовой правды» на Ивановской улице заполняет полиция. Находящихся здесь сотрудников редакции и конторы арестовывают. В Спасском арестном доме, куда были приведены арестованные, их избили.

Перед разгромом редакции удалось уничтожить часть хранившейся корреспонденции, адреса.

После разгрома редакции некоторыми из сотрудников была сделана попытка выпустить очередной номер. Попытка не удалась. День 8 июля оказался днем смерти «Правды».

В этот и на следующий день в массах не обнаруживалось никаких признаков спада революционного настроения. Наоборот, можно было ожидать, что рабочие будут держаться и дольше. Но петербургские баррикады были построены слишком рано. Звать на эти баррикады рабочие массы было бы преждевременно. Того революционного под'ема, каким был охвачен Петербург, в провинции далеко еще не было. Бросить в эту минуту петербургский пролетариат в баррикадные бои с самодержавием и не быть поддержанным рабочей массой провинции, значило бы позволить царскому правительству разгромить рабочее движение, в первую голову петербургское. Партия стремилась сдержать революционную энергию масс.

В ближайшие же дни движение петербургских рабочих стало улегаться. Рабочие вернулись к станкам,

не растратив своего революционного пыла, лишь сберегая его для новых боев.

Петербургские июльские баррикады 1914 г. были подготовлены с лишком двухлетней работой «Правды». Пробуждая классовое сознание рабочих, организуя массы вокруг большевистского знамени, агитируя в массах, «Правда» воспитывала те кадры революционного пролетариата, которые готовы были вступить в последний бой с царизмом. Вместе с тем она воспитывала целый слой тесно связавшихся с газетой рабкоров, тех «правдистов», которые в последующих революционных бурях составляли самую стойкую, самую испытанную часть пролетарской армии.

Теперь события развертывались быстро.

Царский, придворный, военный, сановный Петербург торжественно принимал визит президента французской республики... Далеко отсюда, в Боснии, прозвучал выстрел, отнявший у австро-венгерской монархии наследника ее престола... Сербскому правительству Австрия пред'явила грозный ультиматум... Между европейскими правительствами шли напряженные переговоры... Приводились в готовность орудия и винтовки... Взвешивались в тишине дипломатических кабинетов все возможные комбинации политических группировок в назревающем столкновении... Уже тянуло запахом пороха... Социалисты Франции и Германии беспокойно ждали дальнейшего развертывания событий и клялись в пролетарской солидарности... В зале парижского ресторана пал пораженный

предательской пулей пламенный противник войны Жорес... И гулко раскатились над Европой первые боевые выстрелы...

Надвинулась война. А с нею новые тягчайшие испытания для рабочего класса. Через них предстояло пролетариату пронести свой революционный пыл. Но еще больше укрепили они готовность его бороться с царизмом. Воспитанные «Правдой», отряды петербургских пролетариев в февральские дни семнадцатого года первыми пошли в уличные революционные бои.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ О «ПРАВДЕ» В 1912—1914 гг.

История «Правды» в датах и числах. (1912—1927 гг.). Научно-исследовательский институт книговедения при Государственной публичной библиотеке. Секция журналистики и газетоведения. Ленингр 1927, 48 стр.

Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1911—1914 гг.). Комиссия для собирания и обработки материалов по истории Октябрьской революции и РКП (б). Гос. изд-во, М, 1921, 191 стр.

Содержание: *М. Ольминский,* О мемуарах; *М. Ольминский,* Общий очерк эпохи; *А. Винокуров,* Рабочее страховое движение; Приложения.

Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1911—1914 гг.). Выпуск II. Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б). Гос. изд-во, М, 1921, 252 стр.

Содержание: *М. Ольминский,* Памяти К. Н. Самойловой; От редакции; *В. Невский,* Партийная организация в Харькове в 1912 г.; *В. Невский,* Рабочее движение в Харькове в 1912 г.; Приложение к статьям В. Невского; *Борис Иванов,* «Звезда» и «Правда» и Рабочее движение 1908—1913 гг.; *Я. Буров,* Движение среди приказчиков; *И. Рябков* («Пчела») Книжный склад «Правда»; *Г. Шидловский,* «Родная»; *Г. Шидловский,* Этапы («Правда»); *Вл. Васильевский,* Трибуна рабочего восстания; *Вл. Васильевский,* Из прошлого; *Георгий Шидловский,* Памяти «суровой Наташи».

Из эпохи «Звезды» и «Правды». (1911—1914 гг.). Выпуск III. Истпарт., Гос. изд-во, М. Птр. 1923, 291 стр.

Содержание: *М. Савельев,* Предисловие; *Н. Батурин,* От «Звезды» к «Правде»; *Н. Крестинский,* Старые правдисты; *М. Савельев,* Журналы «Мысль» и «Просвещение»; *А. Рябинин,* К истории марксистского журнала «Просвещение»; *А. И. Елизарова,* Журнал «Работница» 1914 г.; *Ф. Сенюшкин,* «Звезда» и «Правда» среди черемховских шахтеров; *И. Наумов,* Как я начал писать в «Правде»; *В. Залежский,* Полесский комитет в 1912 г.; *М. Хатаевич,* 1912—1914 гг. в Гомеле; *Г. Лелевич,* К истории одного процесса; *Г. Сафаров,* Наша питерская организация перед выборами в четвертую Думу; *В. Максаков,* Тернии «Нашего пути»; *К. Хохлов,* «Наш путь» и Бутырское сиденье. Приложения.

Путь «Правды» (Материалы и воспоминания) 1912—1922 гг. Статьи: Н. Ленина, Г. Зиновьева, И. Сталина, Г. Сокольникова, Данского, М. Ольминского, Ил. Вардина, Т. Сафарова, А. Воронского, Б. Иванова, А. Сольца, Квиринга, Ф. Сыромолотова, Г. Петровского, В. Молотова, К. Шведчикова, Артема Гертика, Германова и других. Тверское изд-во «Октябрь». Тверь, 1923, 218 стр.

Н. Ленин. К современному положению дел в РСДРП, Собр. соч., т. XII, ч. I, стр. 225.

Его же. Итоги полугодовой работы, Собр. соч. т. XII, ч. I, стр. 241.

Его же. Ликвидаторы и «единство», Собр. соч., т. XII, ч. I, стр. 281.

Его же. Маленькие цифры и большие выводы, Собр. соч., т. XII, ч. II, стр. 89.

Его же. К итогам дня рабочей печати, Собр. соч., т. XII, ч. II, стр. 554.

Его же. Рабочий класс и рабочая печать. Собр. соч., т. XII, ч. II, стр. 566.

Н. Ленин. К десятилетнему юбилею «Правды», Собр. соч,. т. XVIII, ч. II, стр. 73.

«**Рабочий**». Газета, № 1. 22 апреля 1914 г. Номер посвящен истории рабочей печати в России. Издатель М. К. Муранов. Редактор Ф. С. Адамов. СПБ. 32 стр.

Содержание: (В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев). Из истории рабочей печати в России: I. Из прошлого рабочей печати в России. II. Как возникла «Правда». III. Политическое направление «Правды». IV. Первый год «Правды» и второй год существования газет правдистского направления. V. «Наш путь». VI. Легальная рабочая печать в России. VII. «Правда» и рабочие. VIII. «Правда» и крестьянская беднота. IX. Репрессии за два года. X. Наши задачи.

Н. Полетаев. У колыбели «Звезды» и «Правды» (Ст. в журн. «Пролетарская революция», 1923, № 4 (16), стр. 3—6).

В. Румянцев. Из воспоминаний о «Правде». 1912—1913. (Ст. в журн. «Красная Летопись», 1923, № 5).

Жандармы о «Правде». (Ст. в журн. «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14).

А. Бадаев. «Правда» в годы царизма. Изд. «Ленинградской правды». Лнгр. 1927.

«**Правда**», 1927, №№ 99, 100 и 101 от 5, 6 и 7 мая.

10661

Цена 60 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

Москва, Центр, Кузнецкий Мост, 7. Т. 5-26-57.
Ленинград, Проспект Володарского, д. 53-а.

ПОЧТОВЫЙ ОТДЕЛ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Москва, Центр, Моховая ул., 24, 3-й книжный магазин Изд-ва Московский Рабочий.